This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

ВЪ

ДО-МОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛЕДОВАНІЕ

АЛЕКСАНДРА ДОБРЯКОВА.

[illegible]

В. И.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

Dobriakov, A.V.

Дв. 10

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

ВЪ

ДО-МОНГОЛЬСКІЙ ПЕРІОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

АЛЕКСАНДРА ДОБРЯКОВА.

Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родна матушка;
Она плачетъ — какъ рѣка льется,
Родна сестра плачетъ — какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ — какъ роса палетъ,
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

Изъ Русскихъ народныхъ пѣсенъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1864.

35 Тк 62

ТК

HQ1662
D59

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9 сентября 1864 года.

НАПРАВЛЕНО
В СПЕЦИАЛЬНЫЙ ФОНД
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
43927

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . 1 — 2

Источники . . . . . 3—12

Преданія и извѣстія лѣтописцевъ 3

Житія святыхъ 6

Памятники церкви 7

Памятники права 8

Поэтическія сказанія 11

Народныя былины 11

Гл. I. Язычница . . . . . 13—51

Обычаи и браки Древлянъ и сходныхъ съ ними племенъ. 13

Обычаи и браки Полянъ 21

Вѣно. 24

Положеніе жены у мужа 27

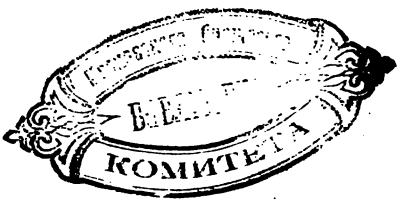
Значеніе матери 33

Проявленіе физической силы. 40

Вѣщая женщина. 42

Стр.

Гл. II. Христіянка . . . . . 51—100
Христіянство; проникновеніе его въ семью . . 51
Воспитаніе дѣвушки 56
Браки 58
Положеніе молодой жены въ семьѣ мужа . . 65
Отношенія супруговъ 68
Имущественныя права жены 78
Личныя 80
Мать 85
Вдова: ея положеніе въ домѣ и въ обществѣ . 89
Гл. III. Раба 101
Гл. IV. Женщина былинъ 105



Русскій народъ въ памятникахъ литературы и словесности отпечатлѣлъ перемѣны судьбы своей.

Въ первые вѣка исторической жизни русское общество не представляетъ строгаго раздѣленія въ своихъ составныхъ частяхъ. Князья, бояре, духовные, простой народъ, постоянно соприкасаясь между собою не исключаютъ другъ друга изъ общей жизни — и памятники этаго времени проникнуты народнымъ духомъ. Хотя и въ это время, въ разнаго рода сборникахъ, приходившихъ къ намъ изъ Византіи, силится проникнуть въ русскую жизнь и литературу направленіе чуждое имъ, отмѣченное аскетическимъ характеромъ, но оно безсильно предъ направленіемъ, исходившимъ изъ нѣдръ народа и дававшимъ всему живой, національный отпечатокъ. Даже произведеніе русскаго грамотника, — слово Даніила Заточника, какъ бы ни было видно на немъ вліяніе Пчелы (Византійскаго сборника изрѣченій), однако и оно содержитъ народныя поговорки. Подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, особенно монгольскаго ига, падаетъ

общенародная жизнь древней Руси, народъ тратитъ свою самостоятельность и вмѣстѣ участіе въ общественной жизни; оно переходитъ въ руки князей, бояръ, — сословія господствующаго. Народная жизнь древней Руси слабнетъ. Низшая масса населенія, оставленная своими старшими братьями, уходитъ въ саму себя, возвращается къ остаткамъ язычества, которые теперь, утративъ свой прежній смыслъ, низходятъ на степень суевѣрій или существуютъ какъ народная забава. Господствующее сословіе, потерявъ живительную силу народнаго духа, даетъ усилиться, съ одной стороны, въ сферѣ умственной жизни, — аскетическимъ понятіямъ, съ другой, — въ жизни домашней, — вліяніе монгольскаго ига, вредно ложась на нравы, сообщаетъ имъ грубый характеръ. Развиваясь подъ вліяніемъ этихъ чуждыхъ силъ, русское общество временъ послѣ-монгольскихъ, отражается такъ и въ памятникахъ литературы. Въ это-то время и создается тотъ мрачный образъ русской женщины, который у нѣкоторыхъ отечественныхъ изслѣдователей, принятъ за общій типъ женщины древней Руси. Предметомъ нашего изслѣдованія, мы взяли разсмотрѣть, какъ представляютъ женщину памятники древнѣйшаго періода русской жизни, — періода до-монгольскаго.

ИСТОЧНИКИ.

Преданія и извѣстія лѣтописцевъ.

Преданія, основа свѣдѣній древнѣйшей поры славянскаго міра служатъ и главнымъ источникомъ для опредѣленія женщины того времени, тѣмъ болѣе, что она успѣла занять въ нихъ значительное мѣсто. Составитель повѣсти времянныхъ лѣтъ русской земли, размѣстилъ въ разныхъ мѣстахъ труда своего тѣ, изъ преданій, которыя онъ считалъ болѣе вѣрными. Такъ, у него мы встрѣчаемъ преданія: о древнихъ обычаяхъ славянскихъ племенъ Руси, о Рогнѣдѣ, хотя въ краткомъ видѣ, о мести Ольги Древлянамъ, о путешествіи Ольги въ Царь-градъ, объ осадѣ Кіева Печенѣгами. Преданія, не попавшія въ повѣсть времянныхъ лѣтъ, сохраняясь въ народѣ, записались въ послѣдствіи. Такъ, въ Лаврентьевскомъ спискѣ, лѣтописецъ, разсказавъ, подъ 1127 годомъ, походъ Мстислава Владиміровича съ братьями на князей Полоцкихъ, потомковъ Всеслава,—подъ слѣдующимъ годомъ помѣщаетъ болѣе подробное, чѣмъ въ повѣсти времянныхъ лѣтъ, преданіе о Рогнѣдѣ, начавъ его такъ:

«о сихъ же Всеславичихъ сице есть, яко сказаша вѣдущіи, преже». Оканчиваетъ преданіе словами: «И оттолѣ мечь взимаютъ Роговоложи, внуци, противу Ярославлимъ внукомъ». Онъ, преданіемъ о Рогнѣдѣ, хотѣлъ объяснить причину вражды князей, потомковъ Изяслава, съ потомствомъ Ярослава, но въ повѣсти времянныхъ лѣтъ, Изяславъ и Ярославъ, оба дѣти Рогнѣды. Только Іоакимовская лѣтопись производитъ ихъ отъ разныхъ матерей. Преданія, сохраненныя русскою лѣтописью, вѣрны общему духу времени, народному характеру и соотвѣтствуютъ подобнымъ же преданіямъ у другихъ славянскихъ народовъ. Козьма, епископъ Пражскій, древнѣйшій хронистъ Чеховъ, въ началѣ труда своего передалъ также большую часть преданій, дошедшихъ до него, по возможности въ краткомъ видѣ: о правителѣ Крокѣ и его дочеряхъ, о Любушѣ и Пржемыслѣ, о постройкѣ Праги, о возстаніи Чешскихъ дѣвушекъ, о борьбѣ Чеховъ съ Лучанами. Козьма заключаетъ преданія такимъ чистосердечнымъ объясненіемъ: «Et quoniam haec antiquis referuntur evenisse temporibus, utrum sint facta an ficta, lectoris judicio relinquimus». И онъ приступаетъ затѣмъ къ изложенію достовѣрныхъ извѣстій, начиная тогда и хронологію. Не такъ были точны польскіе хронисты: преданія, съ нѣкоторыми признаками древняго быта, они смѣшали съ такими вымыслами, что истина въ нихъ стала почти недоступна. Преданіе о Вандѣ, дочери Крака, правителя Леховъ, можно еще принять въ соображеніе, такъ какъ оно общими чертами подходитъ

къ преданіямъ другихъ славянъ. Его сохранили Кадлубекъ и Богуфалъ. Константинъ Порфирородный сообщаетъ преданіе о переселеніи Хорватовъ въ Панонію, подъ предводительствомъ пяти братьевъ и двухъ сестеръ ихъ Туги и Буги. Древне-славянскія преданія важны не въ частностяхъ своихъ, но въ общемъ обрисѣ женщины, который они даютъ намъ.

За преданіями идутъ извѣстія лѣтописей. Немного мѣста имѣетъ въ нихъ женщина. Нашихъ лѣтописцевъ занимали болѣе нашествія Половцевъ, междоусобія князей, чѣмъ черты собственнаго быта. Только когда женщина соединена съ какимъ-либо выдающимся событіемъ, то вмѣстѣ съ нимъ и является въ лѣтописи. Приходитъ новый митрополитъ въ Русь, кто привелъ его? Янка — дочь Всеволода. Новый князь въ области,—кто призвалъ его? жена прежняго князя. Особенное вниманіе женщины къ монастырю, вызываетъ также упоминаніе о ней со стороны лѣтописца. Подобныя мѣста лѣтописи не многочисленны, но и они могутъ дать по возможности опредѣленное изображеніе нашей древней женщины. Правда, что женщина лѣтописи, по преимуществу княжескаго происхожденія, но общество того времени еще не представляло строгой раздѣльности своихъ составныхъ частей и большого различія между князьями, дружиной, народомъ, въ тѣ начальныя времена общественной жизни, еще нельзя ожидать. Слѣдуетъ также принять въ соображеніе, что хотя князья, княгини и занимаютъ первое мѣсто въ лѣтописи, но они являются тамъ

подъ вліяніемъ общественныхъ понятій, являются часто только какъ выразители общественныхъ убѣжденій. Святославъ ушелъ въ Болгарію, оставилъ въ Кіевѣ мать и дѣтей, ихъ чуть не взяли Печенѣги; Кіевляне шлютъ сказать Святославу: «развѣ тебѣ не жаль старой матери и дѣтей своихъ, если не придешь не оборонишь ихъ, Печенѣги могутъ опять взять. Святославъ не можетъ отказать народному требованію и возвращается [1]). Послѣ ослѣпленія Василька Ростиславича, Кіевляне, опасаясь междоусобной войны, которая готова была разгорѣться между князьями, съ просьбой о мирѣ шлютъ къ Владиміру Мономаху мать его. «И преклонися» Владиміръ на просьбу княгинину, «чтяшеть ю акы матерь» [2]).

Знали Кіевляне кого послать и зналъ Мономахъ, какъ примется непочтеніе къ матери.

Житія святыхъ.

Много бы могли пополнить лѣтописный недостатокъ извѣстій о женщинѣ, житія святыхъ, какъ памятникъ преимущественно внутренняго быта. Но къ сожалѣнію отъ этаго времени осталось ихъ немного. Житіе Св. Ѳеодосія, написанное Несторомъ. Житіе Св. Ольги, мѣстами вошедшее въ лѣтопись. Житіе Св. Евфросиніи Полоцкой, сохраненное главными чертами въ спискахъ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 28.
[2]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 112.

позднѣйшаго времени. Вотъ все, чѣмъ мы могли пользоваться. Есть еще нѣсколько другихъ житій, которыя хотя говорятъ о древнемъ времени, но получивъ происхожденіе не ранѣе XVI, XVII ст., явно составлены подъ вліяніемъ другого времени, другихъ понятій и почти всѣ однородныя по содержанію не представляютъ особенныхъ чертъ быта. Мы не могли безъ опасенія руководиться ими. Изъ нихъ мы могли взять только житіе Св. Февроніи Муромской, какъ сохранившее сквозь книжную обдѣлку XVI столѣтія, преданіе древнѣйшаго времени, вполнѣ вѣрное ему во всѣхъ своихъ сторонахъ. Самымъ же драгоцѣннымъ для насъ матеріаломъ, было житіе Св. Ѳеодосія (по списку XII столѣтія, изданному Бодянскимъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей за 1858 г. кн. 3). Не говоря о его древности, достовѣрности, (писано самимъ очевидцемъ и со словъ очевидцевъ, вполнѣ согласно съ извѣстіями другихъ источниковъ),—оно намъ важно тѣмъ, что въ немъ сходятся двѣ противуположныя стороны древней Руси: Русь языческая и христіянская. Представительница первой мать Ѳеодосія, второй самъ онъ. Отношенія ихъ другъ къ другу составляютъ неоцѣнимыя страницы нашей древней исторіи.

Памятники церкви

Относительно нашего предмета составляютъ самый важный матеріялъ. Христіянская церковь, утвердившись въ Руси, приняла на себя подведеніе общественной жизни

къ началамъ новой религіи. Семья, какъ источникъ откуда все вносилось въ жизнь, была принята церковью подъ свое особенное попеченіе. Дать семьѣ христіянскую основу, уничтожить въ ней все, что могло еще оставить тамъ языческое время, вотъ къ чему стремится русская церковь, въ теченіи первыхъ столѣтій христіянства. Памятники этихъ стремленій: церковные уставы Владиміра, Ярослава, Ростислава, Всеволода, вопросы черноризца Іакова и отвѣты на нихъ митрополита Іоанна, вопросы черноризца Кирика и отвѣты на нихъ Новгородскаго епископа Нифонта, съ другими духовными лицами, поученія Ѳеодосія, Кирилла Туровскаго, Серапіона, Кирилла 2 (правило на соборѣ), Матвѣя Сарайскаго (поученіе къ христіянамъ), митрополита Кипріяна, Фотія и другихъ. Руководство, которое имѣли духовные при своихъ дѣйствіяхъ, была Кормчая книга. Появленіе ея у насъ вѣроятно соединено съ принятіемъ христіянства. На нее ссылается князь Владиміръ въ Церковн. уставѣ, Кирикъ въ своихъ вопросахъ.

Памятники права.

Хотя семья и женщина, какъ ея главная представительница, стали по преимуществу предметомъ церковнаго законодательства, но они имѣютъ мѣсто и въ свѣтскомъ правѣ. Русская правда, главный памятникъ свѣтскаго суда, одной статьей своей опредѣляетъ женщинѣ

одинакое съ мужчиной мѣсто въ законѣ [1]). Хотя эта статья, на основаніи ея второй половины, объяснена у нѣкоторыхъ изслѣдователей не въ пользу нашей женщины, какъ неровной мужу и цѣнившейся только въ половину, но такое объясненіе лишаетъ смысла самую статью, гдѣ въ этомъ случаѣ вторая часть будетъ противорѣчить первой. Да и въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды стоитъ тутъ не: «виноватъ», а «винована». При виновности же не только женщина подвергалась половинной вирѣ, но и мужчина [2]). Кромѣ того, принявъ указанное объясненіе, мы должны отвергнуть свидѣтельства всѣхъ другихъ памятниковъ, гдѣ женщина является постоянно въ одинакомъ положеніи съ мужчиной, а обида ей преслѣдуется гораздо больше, чѣмъ обида мужчинѣ. Правда касается и наслѣдственныхъ правъ женщины, но эти статьи ея, для своего точнѣйшаго объясненія, необходимо должны быть поставлены съ другими данными подобнаго рода. Къ такимъ особенно принадлежатъ: духовныя грамоты, какъ частныхъ людей такъ и князей, отъ XIV вѣка. Первыя помѣщены въ Актахъ Юридическаго быта (т. 1), вторыя преимущественно въ Собраніи Государств. Грамотъ и Договоровъ (т. 1). Не менѣе важнымъ пособіемъ для объясненія правъ жены на наслѣдство служатъ: Псковская

[1]) А кс кто оубиеть жену, то тѣмъ же судомь судити якоже и мужа, аже будеть виноватъ: то полвиры, 20 гривенъ. (По Троицк. сп., изд. Калачева, II, стр. 16).

[2]) См. Лапге: Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. (Архивъ Калачева, кн. 3, 1859 г., стр. 121—122).

[illegible] Западной Россіи [illegible]. [illegible] грамоты XIII, XIV и начала XV вѣка, которыя помѣщены въ Актахъ Юридическихъ и Актахъ относящихся до Юридическаго быта, изд. Калачевымъ, также въ Актахъ Западной Россіи т. 1-мъ. Для этаго же предмета служили: Новгородская судная грамота, различныя записи на иконахъ, на книгахъ, сообщенныя въ повременномъ обозрѣніи памятниковъ русскаго языка, И. И. Срезневскимъ (въ X т. Изв. 2-го Отд. Академіи Наукъ). Относительно личныхъ правъ женщины, встрѣчаемъ замѣчательныя статьи въ договорѣ 1199 г. Ярослава Владиміровича и Новгородцевъ съ Нѣмцами (изданъ археологическою коммиссіею въ Грамотахъ, касающихся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригой и Ганзою), также въ договорѣ 1229 г. Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ (Собр. Государств. Грамотъ и Догов. т. 2, № 1). При существованіи общихъ чертъ въ законодательствѣ всѣхъ вообще Славянъ, мы кромѣ памятниковъ русскаго права имѣли также въ виду памятники древняго права Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ, балтійскихъ Славянъ.

Поэтическія сказанія.

Явленія жизни общественной, служа содержаніемъ произведеній поэтическихъ, облекались въ живые образы фантазіи. Слово о полку Игоревѣ выводитъ предъ нами дѣйствительную женщину древнерусскаго общества, сообщая ей только поэтическій колоритъ.

Народныя былины.

Изъ народныхъ произведеній мы взяли только былины, какъ матеріалъ, въ которомъ сохранилось болѣе всего чертъ древнѣйшаго быта, согласныхъ съ тѣмъ, что мы извлекаемъ изъ письменныхъ свѣденій. Мы опасались принять источникомъ произведенія нашей народной лирики. Подвергнувшись большому измѣненію въ позднѣйшее время, они не могли бы служить прочными данными въ нашемъ періодѣ.

Какъ многое изъ того, что дѣйствовало въ періодъ до монгольскій, осталось намъ въ формѣ краткой, отрывистой, въ актахъ же послѣдующаго времени, явилось полнѣе, опредѣленнѣе, то потому, намъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приходилось обращаться и къ даннымъ позднѣйшимъ, актамъ XIV и даже XV вѣка.

Новгородская община, въ которой монгольское иго не могло произвесть большихъ измѣненій, какъ въ правительственной организаціи, такъ и во внутреннемъ бытѣ,

продолжала сохранять до послѣдней минуты своего независимаго существованія тѣ начала, которыя сложились въ ней отъ древнѣйшихъ поръ. Марфа Борецкая, образъ Новгородки, подходя въ главныхъ чертахъ своихъ къ общему характеру древнерусской женщины, представляетъ еще нѣкоторый отпечатокъ и мѣстныхъ условій быта.

I.

ЯЗЫЧНИЦА.

«Люди были тогда язычники, приносили жертвы озерамъ, колодцамъ и рощамъ» [1]). Такъ изображаетъ нашъ начальный лѣтописецъ племена древней Руси, при появленіи ихъ въ исторіи. Это описаніе, подтверждаясь извѣстіями другихъ источниковъ, соотвѣтствуя подобнымъ-же сказаніямъ о прочихъ славянскихъ народахъ [2]), указываетъ намъ характеръ языческой эпохи русскаго общества. — Господство природы физической, составляетъ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. 5, стр. 84 и т. 7, стр. 263 (средн. текстъ Нестора).

[2]) Въ Церковномъ Уставѣ Владиміра: «или кто молиться подъ овиномь или в рощеньи или оу воды». (Дополн. къ Акт. Истор. т. 1, № 1). — Въ правилахъ Митрополита Іоанна, черноризцу Іакову: «И еже жроуть бесомъ и болотомъ и колодеземъ? (Русск. достоп. ч. 1-я, стр. 94). — Въ житіи Св. Константина Муромскаго: «Очныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеся и сребреницы на ня повергающе; дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ покланяющеся». — (Владим. Сборн. Изд. Тихонравовымъ,—Карамзина: 214 примѣч. къ 1-му тому). Козьма Пражскій о Чехахъ: Sicut hactenus multi villani velut pagani, hic latices seu ignes colit, iste lucos et arbores aut lapides adorat, ille montibus sive collibus litat etc. (У Перца: Scriptores Germ. т. IX, стр. 35). Краледворская рукопись: «А потомъ богамъ приноситъ, подо всѣ деревья жертвы» (Честиміръ и Владиславъ)... «Онъ посѣкъ священныя деревья и боговъ кумиры ниспровергнулъ» (Забой и Славой). Гельмольдъ о Балтійскихъ Славянахъ: Et inhibiti sunt Slavi de cetero jurare in arboribus fontibus et lapidibus... Nam praeter lucos atque penates, quibus agri redundabant... invaluitque per universam Slaviam multiplex idolorum cultura. (Helmold: Chron. Slav. L. 1, стр. 83, 125).

ея отличительную черту. Человѣкъ не отдѣляетъ себя отъ природы, напротивъ, считая себя тѣсно съ ней связаннымъ, смотритъ на всѣ явленія ея, какъ непосредственно къ нему относящіяся. — Такое безсознательное состояніе населенія Руси, въ первоначальную эпоху ея исторической жизни, объясняетъ намъ ту дикость славянскихъ племенъ Руси, которую изображаетъ лѣтописецъ: «Жили по звѣрски, жили скотски, убивали другъ друга, ѣли нечистое», говоритъ онъ о Древлянахъ, — «жили въ лѣсахъ какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословье было у нихъ предъ отцами и предъ снохами,» — говоритъ онъ о другихъ племенахъ [1]). При такомъ состояніи нельзя ожидать и обычаевъ, которые желалъ бы лѣтописецъ христіянинъ: «они не знали закона Божья, но сами себѣ творили законъ,» говоритъ онъ [2]). Этотъ законъ языческихъ племенъ, сохраненный преданіемъ, перешелъ къ нимъ отъ предковъ. — Въ немногихъ словахъ говоритъ намъ объ немъ нашъ первоначальный лѣтописецъ: «Радимичи, Вятичи, Сѣверяне.... сходились между селами на игрища, на плясанья и на всѣ бѣсовскія игрища и тутъ умыкали себѣ женъ, съ которою кто сговаривался. Древляне у воды умыкали дѣвицъ» [3]).

Въ томъ же родѣ говорятъ и о другихъ Славянахъ

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, стр. 6.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. 1, стр. 6.

[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 6. Упомянутые лѣтописцемъ обычаи язычества, продолжая долго существовать и при христіанствѣ, хотя ужъ не съ прежнимъ значеніемъ, были постояннымъ предметомъ обличенія нашихъ духовныхъ и потому у нихъ мы можемъ встрѣтить болѣе подробныя опи-

язычникахъ чужеземные хронисты. Козьма Пражскій, сообщая преданіе о борьбѣ дѣвушекъ въ Чешской землѣ съ юношами, кончаетъ его тѣмъ, что послѣ долгой борьбы обѣ враждующія стороны, заключивъ однажды перемиріе, положили устроить на опредѣленномъ мѣстѣ трехдневное торжественное празднество: «Вступаютъ юноши на пиръ съ дѣвицами, какъ хищные волки ищущіе добычи. Весело въ питьи и ѣдѣ проводятъ первый день. Чѣмъ больше пьютъ, тѣмъ больше возрастаетъ жажда. — Едва къ ночи притихаетъ пиръ. — Настала ночь. На ясномъ небѣ сверкала луна. Вдругъ затрубилъ одинъ юноша и давъ этимъ знакъ, закричалъ: «полно пить, ѣсть, играть!... Вставайте!... Зоветъ васъ любовь!... Тотчасъ бросаются юноши на дѣвушекъ и похищаютъ ихъ [1]). У Балтійскихъ Славянъ, по словамъ Гельмольда, въ торжественные, посвященные богамъ, дни собирались

санія. «Вотъ къ какому кумирослужебному обычаю призываетъ сатана каждое лѣто и такъ своимъ древнимъ обычаемъ празднуютъ день Рождества Предтечи великаго,» говоритъ игуменъ Элеазарова Монастыря Памфилъ о празднованіи Псковичами Ивана Купалы: «Еда бо приходитъ вельй празникъ день Рождества Предтечева и тогда во святую ту нощъ мало не весь градъ взмятется и възбѣсится, бубны и сопѣли, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сотонинскыми, плесканіемъ и плясаніемъ,... стучатъ бубны и гласъ сопѣлій и гудутъ струны, женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ непріязненъ кличь и вопль, всесквернены пѣсни, бѣсовская угодія свершахуся, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту же есть мужемъ же и отрокомъ великое прелщеніе и паденіе,... женамъ мужатымъ безаконное осквернение. (Дополн. къ Акт. Ист. т. 1, № 22). «Се слышахомъ», говоритъ Митрополитъ Кириллъ 2, «в суботу вечеръ собираются мужи и жены вкупѣ и играютъ безстудно и скверну дѣютъ, в нощъ святаго воскресенія, яко дионисовъ праздникъ празнуютъ нечестивии еллини вкупѣ, мужи и жены. (Востокова: Описаніе рукоп. Рум. муз. стр. 321).

[1]) У Перца: Script. IX, стр. 39.

вмѣстѣ мужчины и женщины съ дѣтьми, приносили богамъ жертвы изъ быковъ и овецъ, нѣкоторые приносили людей — христіянъ въ жертву. — Послѣ обычнаго жертвоприношенія, всѣ обращались къ пирамъ и играмъ [1]).

Такія условія быта языческой эпохи опредѣляютъ и положеніе женщины въ то время. Остутствіе правильныхъ отношеній къ мужчинѣ, господство въ нихъ побужденій чувственныхъ, — результатъ времени. Скоро, безъ длинныхъ церемоній, при взаимномъ только съ обѣихъ сторонъ соглашеніи совершаются браки: «съ нею же кто съвѣщашеся.» Вода часто единственное святилище союза: «умыкиваху у воды дѣвиця» [2]). «Вы, которые были до этой поры не христіяне а язычники, вы не знали таинства брака», восклицаетъ Св. Оттонъ, обращаясь къ Поморянамъ [3]).

Умычькой, похищеніемъ зовутъ браки язычества христіянскіе писатели. «Они сходились на игрища и тамъ умыкали себѣ женъ» [4]). «Тогда не стыдно было мужу», восклицаетъ Козьма Пражскій, «похитить жену другого и женѣ выдти за чужого мужа» [5]). Даже когда вмѣстѣ съ христіянствомъ появляются и брачныя церемоніи по уставу новой религіи, то ихъ въ началѣ держатся только

[1]) Gelmold: Chron. Slav. L. 1, cap. LII.

[2]) «И се слышахом,» говоритъ Митрополитъ Кириллъ 2, «впредѣлѣх новгородскихъ невѣсты водятъ к водѣ и нынѣ не велим тому тако быти». (Востоковъ: Опис. Рум. муз. стр. 321).

[3]) Vita Ottonis ep. Babenbergensis (у Перца т. XII, стр. 785).

[4]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 6. Въ церковномъ уст. Владиміра: церковнии соуди . . . умычка. (Дополн. къ Акт. Ист. т. 1). Въ уставѣ Ярослава: Аже кто умчить дѣвку.

[5]) Cosmae Chronica (у Перца т. IX, стр. 58).

ИБЛИОТ
ЦИАЛИСТИ
АКАДЕМИ

высшіе, болѣе образованные классы общества, простой же народъ остается чуждъ имъ и долго еще живетъ при своихъ прежнихъ обычаяхъ брака. Противъ ихъ-то особенно вооружается церковь. «Сказывалъ ты мнѣ,» говоритъ митрополитъ Іоаннъ черноризцу Іакову, «что у простыхъ людей не бываетъ благословенія церкви и вѣнчанія, но вѣнчаются только бояре и князья, простые-же люди берутъ себѣ женъ съ плясаніемъ, гудѣніемъ и плесканіемъ, такихъ», заключаетъ митрополитъ, «подвергать строжайшей эпитеміи [1]). Много печаловался Св. Войцехъ, второй Епископъ Праги, о невѣріи и невѣжествѣ своего народа, о его незаконныхъ бракахъ, непозволенныхъ разводахъ, старался объ установленіи брака христіянскаго [2]). Домбровка жена Мѣчислава Польскаго, для которой онъ бросилъ семь прежнихъ своихъ женъ, сама христіянка, хлопочетъ объ обращеніи въ свою религію и мужа, чтобы новою религіею узаконить свой бракъ съ нимъ, но по смерти Домбровки Мѣчиславъ взялъ вновь себѣ въ жены Одду, монахиню изъ Калвскаго монастыря, безъ всякаго церковнаго освященія, «absque canonica auctoritate duxit» [3]).

Многоженство существуетъ какъ обыкновенная форма: «имѣли по двѣ и по три жены,» говоритъ нашъ лѣтописецъ [4]). «Безъ стыда и безъ срама имѣютъ по двѣ жены,

---

[1]) Русскія Достопамятности т. 1, стр. 89.

[2]) Cosmae Chron. (Перцъ т. IX, стр. 52). Чешская хроника Далемила: Voitiech chtieše lud pohanských obyčejóv otuciti, křestianským činòm zučiti: aby v manželstvo vstùpili etc.

[3]) Thietmari Chronicon. (Перцъ т. V, стр. 784).

[4]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 6.

вопреки Св. вѣры нашей» —митрополитъ Іоаннъ черноризцу Іакову [1]). «Въ то время,» разсказываетъ Козьма Пражскій о Чешскомъ язычествѣ, «каждый, какъ хотѣлъ, могъ имѣть по двѣ и по три жены и что теперь почитается за стыдъ, въ тѣ времена было великимъ безславіемъ, когда мужъ довольствовался одною женою, а жена имѣла только одного мужа. Ибо жили какъ дикіе звѣри, имѣя общіе браки» [2]). «Вы не соблюдали вѣрности одной женѣ», обращался Св. Оттонъ къ Поморянамъ, напоминая имъ языческое время, «но по своей волѣ имѣли многихъ женъ, теперь, каждый мужъ долженъ довольствоваться одной женой, а жена можетъ имѣть только одного мужа» [3]). Ярополкъ, имѣя уже жену Грекиню, сватается за Рогнѣдой [4]). Владиміръ до принятія христіянства имѣетъ кромѣ пяти женъ, которыхъ лѣтописецъ отличаетъ названіемъ *водимыхъ*, еще 800 наложницъ» [5]). Король Польскій Мѣчиславъ 1-й, по извѣстіямъ польскихъ хронистовъ, до женидьбы на Чехинѣ Домбровкѣ имѣлъ семь женъ [6]). Врациславъ, князь Поморскій, имѣя

---

[1]) Русскія Доспопамятн. т. 1, стр. 89.

[2]) Cosmae Chron. (Перцъ т. IX, стр. 58). Краледворская рукопись:

«И пришелъ чужой — въ предѣлы наши
. . . . . и каждому онъ мужу
По одной велѣлъ держать подругѣ,
На пути съ Весны и до Мораны». (Забой и Славой).

[3]) Vita Ottonis (Перцъ XII, 785, 851).

[4]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 32.

[5]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 34.

[6]) Martini Galli Chronicon (изд. Bandtkie L. 1, 31). Кадлубекъ: Chronica Polon. (изд. Пржездецкаго, 1862 г., стр. 41).

кромѣ одной жены еще 24 наложницы, отказывается отъ нихъ предъ Св. Оттономъ и въ присутствіи своего народа, говоря, что ему извѣстно, какъ противно святости христіянской религіи, имѣть много женъ и наложницъ [1]).

Степеней родства какъ видно не держались. Это кажется хочетъ выразить нашъ лѣтописецъ, говоря о срамословіи Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ предъ отцами и снохами и противуполагая эти племена Полянамъ, которые имѣли «стыдѣнье» къ своимъ родителямъ [2]). Владиміръ по смерти брата Ярополка женится на вдовѣ его [3]). Св. Оттонъ Бамбергскій, какъ говоритъ его жизнеописатель, запретилъ Поморянамъ брать себѣ въ жены мачиху или какую либо изъ родственницъ до 6-го и 7-го колѣна [4]). И потомъ, церковь строго преслѣдовала браки въ родствѣ, долго-державшіяся въ массѣ народной, какъ остатки язычества. «Если вступятъ въ бракъ двоюродные братъ и сестра,» говорится въ правилѣ митрополита Іоанна, «то должны разойтись, а если ослушаются, подвергаются совершенному отлученію» [5]).

При отсутствіи прочной связи между мужемъ и женой, при господствѣ многоженства, разводы съ той или съ другой

---

[1]) Vita Ottonis: Coram episcopo, populo aspiciente, 24 concubinas quas ritu gentili suae legitimae uxori superduxerat, publice abjuravit. (Перцъ XII, 786).

[2]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 6.

[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 33.

[4]) Vita Ottonis Ebbonis (Перцъ XII, стр. 851).

[5]) Русск. Дост. т. 1. Церковный уставъ Владиміра: Въ племени или въ сватьствѣ поимуться. Въ церковномъ уставѣ Ярослава: А же ближній родъ поимется.

стороны были не рѣдки. Мужу пустить одну жену и соединиться съ другой, точно также и женѣ оставить мужа для другого, было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Браки были тогда общи, по словамъ Козьмы Пражскаго: «connubia erant illis communia» [1]). «Такихъ, которые соединяются безъ благословенія церкви и берутъ много женъ и потомъ отдѣляются, оставляютъ своихъ женъ и соединяются съ другими, такихъ считать чуждыми нашей вѣрѣ,» говоритъ митрополитъ Іоаннъ. «Мужей, которые оставляютъ своихъ женъ, также и женъ подобнымъ-же образомъ поступающихъ, — какую эпитемію возлагать на нихъ?» спрашиваетъ черноризецъ Іаковъ [2]). «Счастливое было время тогда,» говоритъ Козьма объ языческой Чехіи, «какъ свѣтъ солнца, какъ влага водная, общимъ достояніемъ всѣхъ были и нивы и пажити и даже самые браки были у нихъ общи. Бракъ продолжался одну ночь. На утро разрывались цѣпи любви. Тогда позволялось мужу брать чужую жену и женѣ выходить за чужого мужа» [3]). Брячиславъ, князь Богемскій, у гроба Св. Войцеха, говоритъ собравшемуся народу: «я требую прежде всего, чтобы ваши браки, которые у васъ были до сихъ поръ общими, какъ у дикихъ звѣрей, теперь, сообразно съ правилами церкви, были бы законны, отдѣльны и неразрывны. Если разлюбитъ жена мужа, а мужъ жену и разладъ между ними дойдетъ до развода, то кто не воротится

---

[1]) Cosmae Chron. (Перцъ: т. IX, стр. 34).
[2]) Русск. Достоп. т. I, стр. 89.
[3]) Cosmae Chron. (Перцъ: т. IX, стр. 34, 58).

къ прежнему, законно-совершенному браку, изгоняется въ Венгрію, безъ возвращенія на родину» [1]). Болеславъ 1-й, король Польши, по извѣстію Дитмара, женившись въ первый разъ на дочери маркграфа Ригдага, оставилъ ее потомъ и взялъ себѣ жену изъ Венгріи, отъ которой имѣя сына, поступилъ съ нею какъ съ первой и вступилъ въ бракъ съ славянкой Куниль-дой. — Послѣ ея смерти женился на Оддѣ, дочери маркграфа Еккигарда, въ этотъ разъ не получивъ уже церковнаго благословенія. Спустя нѣсколько времени, придя въ Кіевъ, Болеславъ взялъ себѣ въ наложницы Предславу, сестру Ярослава I-го, которую онъ прежде сватал, забывъ, по словамъ Дитмара, о своей супружницѣ Оддѣ [2]).

Приведенные разсказы нашего лѣтописца о Древлянахъ, Радимичахъ, Вятичахъ, Сѣверянахъ..... Козьмы Пражскаго о Чехахъ, жизнеописателя св. Оттона о Поморянахъ — представляютъ намъ низшую ступень языческаго быта Славянъ, когда они въ образѣ жизни своей приближались по словамъ Козьмы и нашего лѣтописца къ дикимъ животнымъ. Но нашъ же лѣтописецъ, въ разсказѣ о Полянахъ, выводитъ намъ и бытъ высшій; этотъ бытъ, по его мнѣнію, подходилъ ближе всего къ тому закону Божью, отъ котораго были удалены прочія племена. «Кроткій и тихій имѣли обычай Поляне, имѣли стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ ма-

---

[1]) Ibidem стр. 68.

[2]) Thietmari Chron. (Перцъ: т. V, стр. 784).

терямъ и отцамъ своимъ, къ свекровямъ и деверямъ; брачные обычаи имѣли: не ходилъ женихъ за невѣстой, но ее приводили къ нему вечеромъ, а на другой день приносили то, что за нею дано (брачныи обычаи имяху: не хожаше женихъ по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадуче) [1]). Отсюда усматриваемъ установившуюся семью, гдѣ опредѣлились родственныя отношенія членовъ, видимъ опредѣленные обычаи брака: «не хожаше женихъ по невѣсту, но приводяху вечеръ». Отъ ближайшихъ родственниковъ зависѣло конечно приведеніе невѣсты къ жениху, къ нимъ онъ слѣдовательно былъ долженъ при сватовствѣ обращаться. Подтверждаетъ это и преданіе о сватовствѣ Владиміра на Рогнѣдѣ. Владиміръ, желая взять за себя Рогнѣду, обращается къ отцу ея: «хочу взять дочь твою себѣ въ жены». Но Рогнѣда была уже ранѣе просватана за Ярополка и ее хотѣли вести къ нему: «въ се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка» [2]). Только тѣхъ вѣроятно женъ Владиміра, при взятіи которыхъ онъ соблюлъ приведенный выше обычай брака, нашъ лѣтописецъ зоветъ водимыми, во всѣхъ же прочихъ видитъ только наложницъ, —хотей [3]). Этотъ брачный обрядъ веденія невѣсты къ жениху сохранился, какъ увидимъ и въ позднѣйшее время. Бракъ сопровождался пиромъ.

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 6.

[2]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 32.

[3]) И быша ему водимыя: «Рогънѣдь итд...; а наложьницъ бѣ у него:...» (П. С. Р. Л. т. 1, стр. 34). Въ книгѣ царствъ Григорія Мниха: И бысь емоу (Соломону) женъ веденицъ 7сотъ, а хотій 300 (Временникъ Общ. Исторіи и Др., т. IX).

Черноризецъ Іаковъ говоритъ о плясаніяхъ и гудѣніяхъ на бракахъ языческихъ. Скоморохи, трубы, гусли, русальи,—принадлежность игрищъ, сопровождали и браки. Медъ былъ также принадлежность брачнаго пира. Ольга, обманывая Древлянъ, приказала имъ готовить меды и прочее, что слѣдуетъ къ браку, тѣ исполняя приказаніе: «извезоша медовъ многа, и прочая приготоваша яже на браки» [1]). Дѣвица, выходя въ замужество, при жизни отца, братьевъ, получала отъ нихъ приданое: «а завътра приношаху по ней, что вдадуче»; величина приданаго зависѣла отъ достатка семьи, изъ которой выходила дѣвушка. Не было братьевъ въ семьѣ, дочь была наслѣдницей всего отцовскаго имущества. Это право дочери на наслѣдство послѣ отца существовало у всѣхъ Славянъ и было особенностью славянскаго права [2]). Право

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 24, стр. 243.

[2]) У Чеховъ, законы князя Конрада Бьернскаго (1050), подтвержденные Пржемысломъ—Оттокаромъ (1222 и 1229 г.): Si quis autem non habuerit filium et habuerit filias, ad illas deveniat hereditas equaliter; et si non sint, hereditas deveniat ad proximos heredes. (Codex diplomaticus Moraviae, Boczek: 5, 224; 2, 209). См. также старое право Чеховъ у Андрея съ Дуба: Výklad na pravo zemské České (Archiv Česky т. 2, стр. 515). У Поляковъ, король Казимиръ В. жалуетъ Польское право наслѣдства Якушу и Петрашу: post decessum ipsorum, videlicet Jacussii et Petrassii, filii eorum, jure polonicali consueti, omnia bona... obtinebunt. Quod si quod absit filii desijssent vel quovis modo decederent, extunc filie eorum vel omnis propinquitas feminei sexus eodem jure polonicali gaudebunt, omniaque bona... pari modo habebunt ut filii et possidebunt. (Мучковскаго, Cod. Diplom. Poloniae: 2, стр. 750). См. также Statuta Casimiri 3: Si quis militum aut nobilium — filios non habuerit, sed filias, tunc filiabus omnes haereditates et possessiones cadent paternae (Jus Polonicum Bandkie, стр. 152). Также Statuta Masoviae (Bandtkie, стр. 414). У Сербовъ, по законнику Стефана Душана: ако ли нема сына а има дъщерь да има дъщи оузети или продати или отдати свободьно (Шафарикъ:

Нѣмецкое ограничивало дочь въ наслѣдствѣ и давало преимущество родственникамъ мужского пола [1]. Молодая жена послѣ свадьбы получала отъ мужа или вообще отъ главы семьи, куда вступала, извѣстное имѣніе въ видѣ обезпеченія. Вѣроятно, въ этомъ смыслѣ обезпеченія своей супруги далъ Владиміръ Грекамъ городъ Корсунь: «царицы дѣля», какъ объясняетъ лѣтописецъ, а Казиміръ Польскій, отдалъ Ярославу 800 Русскихъ плѣнныхъ [2]. Нашъ лѣтописецъ при этихъ случаяхъ употребляетъ выраженіе вѣно [3], ко-

Památky Dřevního Písemnictví Jihoslovanův. По Русской Правдѣ: А же въ боярехъ либо въ дружинѣ, — за князя задняя не идетъ; но оже не будетъ сыновъ, а дчери возмутъ. Въ Правдѣ только для смердовъ сдѣлано исключеніе: имѣніе умершаго смерда, если нѣтъ сыновей, переходитъ къ князю, который отъ себя выдаетъ часть дочерямъ. (Изд. Калачева стр. 101, 102).

[1]) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer 1, 407, 408. Eichhorn: Deutsche Staats und Rechtsgeschichte 1, 161—167; 2, 1014.

[2]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 50, 67. Лѣтопись Іоакима говоритъ объ Рюрикѣ, что онъ имѣя нѣсколько женъ, болѣе всѣхъ любилъ Ефанду дочь князя Урманскаго и когда та родила ему сына Игоря, далъ ей уже прежде обѣщанный городъ съ Изборой «въ вѣно». (Татищевъ ч. 1, стр. 34).

[3]) Употребленное лѣтописцемъ слово «вѣно», дало поводъ многимъ изъ нашихъ изслѣдователей (Карамзинъ, Погодинъ, Кранихфельдъ, Рейцъ) придти къ заключенію о существованіи у насъ и вообще у Славянъ купли невѣсты. Этотъ выводъ, поддерживаемый Погодинымъ сближеніемъ нашего вѣна съ Скандинавскимъ vingaef — (что означало тамъ даръ жениха отцу невѣсты) противорѣчитъ общему характеру свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о состояніи древнѣйшей женщины, какъ у насъ такъ и у прочихъ Славянъ. Мы видѣли выше, какъ свободно совершались браки въ языческой Руси, когда, по словамъ самого лѣтописца, взаимное соглашеніе мужчины и женщины, было главнымъ условіемъ брака, когда по народному преданію у Рогнѣды спрашивалось сперва отцемъ согласіе, а потомъ она гордо отказывала Владиміру: «не хочу выдти за рабычича». Противорѣчитъ означенный выводъ и имущественнымъ правамъ нашей древнѣйшей женщины. — Малуша, Ольга, Рогнѣда, могли-ли бы владѣть городами, селами, если бы они были, какъ женщина въ древне-нѣмецкомъ правѣ, «mulier emptitia,»—

торое дѣйствительно существуя и у другихъ Славянъ,— имѣло обыкновенно смыслъ обезпеченія. Въ древнѣйшихъ памятникахъ Польскаго и Чешскаго права, вѣно является обезпеченіемъ двоякаго рода: или обезпечивается приданое дочери отъ отца, братьевъ [1]), (такое обезпеченіе, имѣющее связь съ приданымъ, носитъ иногда у Поля-

---

стоя на равнѣ съ вещью? — Наконецъ несогласенъ предложенный выводъ и съ тѣмъ, какъ является женщина въ древнѣйшихъ былинахъ нашего народа. — Мы думаемъ, что гораздо ближе къ истинному значенію слова «вѣно,» сближеніе его сдѣланное И. И. Срезневскимъ съ Англо-Саксонскимъ vedd — залогъ, который по Англо-Саксонскому праву давался женихомъ роднымъ невѣсты. (См. Извѣст. 2-го Отд. Акад. Наукъ т. VIII, стр. 349).

[1]) У Поляковъ, Вислицкій Статутъ 1347 г., Казимира 3: Коли хто зъ нашихъ землянъ дочку свою замужъ, за живота выдастъ, а ей вѣно запишетъ; коли жъ онъ умретъ, тогды братья болшъ не маютъ дати, одно вѣно; а будетъ ли дочка старостина, а имѣніе великое, тогды сто гривенъ братья имѣють дати за вѣно; а будетъ ли имѣніе малое, а дѣвокъ много, тогды имѣетъ... роздѣлъ въ отчинѣ, каждой дѣвцѣ дѣльница, а на ихъ дѣльницу братья... заплатить пѣнези, умѣсто вѣна. Тамъ же: коли которая панна замужъ пойдетъ, вѣно пѣнезное уготовизнѣ што дано будетъ предъ пріятельми, на томъ имсть досыть; а имѣнье дѣдичное имѣетъ быть... на короля. (Акты Западной Россіи т. 1, № 2). Статутъ Владислава Ягеллона (1420): Коли пригодить нѣкоторому отцу другую жону поять, а съ ней имѣетъ дѣвкы, а съ первою женою мужьчинкы: тогды сынове, по смерти отцевѣ, маютъ дѣвкы замужъ выдать, подлугъ обычая земли, а имѣють сестрамъ нарѣчь вѣно пѣнезьное, вынявши материзну. (А. З. Р. т. 1, № 27). См. также грамоту Сигизмунда 1. княжнамъ Мстиславскимъ, 1525 г. (А. З. Р. т. 2, № 138). У Чеховъ, въ Рядѣ земскаго права, 1348—1355 г., (Rád práva zemského): Kdyžby kto, pojma ženu, chtél on nebo ona pohoniti z vèna, ježtoby to vèno výše než deset kop záležalo podle jeho dedicstvie. Лат. текстъ: Item si aliquis uxorem habens legitimam, ipse aut ipsa uxor citare aliquem pro hereditate dotali obligata aut pro ipsa dote, si se extendit ultra decem marcas, ad judicium voluerit et ea prosequi justitia mediante. Тамъ же: Tuto znamenaj, že každá pani, kteràž ma muže svého živého, ze svého vena dèdicskeho, z hlavy svého prietele, — moż każdého pohoniti. Лат. текстъ: Uxor habens maritum, eo vivente, potest agere in judicio, pro dote sua. Тамъ же: A viece znamenaj, kdyžby která pani, dedinu svu vennú svemu muži zapsala. Лат. текстъ: Si aliquis hereditatem dotalem uxoris suae alicui ven-

Нѣмецкое ограничивало дочь въ наслѣдствѣ и давало преимущество родственникамъ мужского пола [1]). Молодая жена послѣ свадьбы получала отъ мужа или вообще отъ главы семьи, куда вступала, извѣстное имѣніе въ видѣ обезпеченія. Вѣроятно, въ этомъ смыслѣ обезпеченія своей супруги далъ Владиміръ Грекамъ городъ Корсунь: «царицы дѣля», какъ объясняетъ лѣтописецъ, а Казиміръ Польскій, отдалъ Ярославу 800 Русскихъ плѣнныхъ [2]). Нашъ лѣтописецъ при этихъ случаяхъ употребляетъ выраженіе вѣно [3]), ко-

Památky Drevniho Pisemnictvi Jihoslovanův). По Русской Правдѣ: А же въ боярехъ любо въ дружинѣ, — за князя задница не идеть; но оже не будеть сыновъ, а дчери возмуть. Въ Правдѣ только для смердовъ сдѣлано исключеніе: имѣніе умершаго смерда, если нѣтъ сыновей, переходить къ князю, который отъ себя выдѣлеть часть дочерямъ. (Изд. Калачева стр. 101, 102).

[1]) Grimm: Deutsche Rechtsalterthumer 1, 407, 408. Eihchorn: Deutsche Staats und Rechtsgeschichte 1, 161—167; 2, 1014.

[2]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 50, 67. Лѣтопись Іоакима говорить объ Рюрикѣ, что онъ имѣя нѣсколько женъ, болѣе всѣхъ любилъ Ефанду дочь князя Урманскаго и когда та родила ему сына Игоря, далъ ей уже прежде обѣщанный городъ съ Ижорой «въ вѣно». (Татищевъ ч. 1, стр. 34).

[3]) Употребленное лѣтописцемъ слово «вѣно», дало поводъ многимъ изъ нашихъ изслѣдователей (Карамзинъ, Погодинъ, Кранихфельдъ, Рейцъ) придти къ заключенію о существованіи у насъ и вообще у Славянъ купли невѣсты. Этотъ взглядъ, поддерживаемый Погодинымъ сближеніемъ нашего вѣна съ Скандинавскимъ vingaef — что означало тамъ даръ жениха отцу невѣсты, противорѣчитъ общему характеру свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о состояніи древнѣйшей женщины, какъ у насъ такъ и у прочихъ Славянъ. Мы видѣли выше, какъ свободно совершались браки въ языческой Руси, видѣли въ словахъ самого лѣтописца, взаимное соглашеніе мужчины и женщины, какъ главное условіе брака, когда по народному преданію у Русскихъ спрашивалось сперва согласіе [illegible], а потомъ она [illegible] отказывала Владиміру: «не хочу [illegible] за рабичича». Превосходство [illegible] женщинѣ [illegible] и [illegible] нашей древнѣйшей женщины [illegible] Марина, Ольга, Рогнѣда, [illegible] городами, [illegible] какъ женщина въ древне-языческихъ [illegible],

ковъ и названіе: вѣно-посагъ, вѣно-приданое [1]) или обезпечивается жена со стороны мужа, — его родственниковъ, записью извѣстной денежной суммы на недвижимомъ имѣніи [2]). Въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ Нѣмецкаго права, вѣно у Чеховъ и Поляковъ уже становится юридическою формулою, принимая единственно смыслъ обезпеченія жены, по установленной закономъ формѣ [3]). Оттого и ла-

---

diderit etc. Андрей съ Дуба въ своемъ толкованіи Чешскаго права (ок. 1400) говоритъ, что по старому праву, если дѣвушка вышла за мужъ безъ воли отца или братьевъ или опекуновъ, то свое вѣно теряетъ: mà sve véno ztratiti pravem starym. (Archiv Česky Палацкаго: т. 2, стр. 116, 117, 118, 504). См. также Чешскую хронику Далемила стр. 76.

[1]) Въ Польскихъ редакціяхъ Вислицкаго Статута вмѣсто вѣна употребляется posag: poszag alybo danynu, pyenyądzmy gothovimy danye poszagu gothovimy pyenyączmy. (Księgi Ustav Polskich Lelev. p. 65). См. также Акты южный и западной Россіи т. 1, № 150, (вѣно-посагъ).

[2]) У Поляковъ, въ Вислицкомъ Статутѣ: Коли жъ мужъ умретъ, а жена и дѣти будуть, она маетъ быти у своемъ вѣнѣ; а умретъ, тогды все имѣнье на дѣти; а хочетъ ли иншего мужа понять, тогды, мы сказуемъ, тымъ то дѣтемъ отчизна вся исполна придетъ,... другимъ удѣломъ все имѣнье материзны; а она съ своею дѣльницею, можетъ понять мужа подлугъ своее воли. Статутъ Владислава Ягеллона: по смерти мужнѣ женѣ только вѣно узять, а остатокъ имѣнья всего дѣтемъ отдать. Жалованная грамота Казимира Ягеллона Литовско-Русскому дворянству, духовенству, мѣщанамъ: Ажь первый мужь у предреченомъ имѣньи своемъ своей женѣ нѣкоторое вѣно запишетъ, а она можетъ того досвѣтчити: тогды, подлугъ обычаа права, кому усхочетъ тому полецить. (Акты Зап. Россіи т. 1, № 2, 61, 27). У Чеховъ, по Андрею съ Дуба въ Vyklad na pr. z. c.: Take právo jest, kdyžby któ sve žene venoval v milostivé zastavè na dvú vesniciech summu jmenovitú, jakož ve dskach kladeno bude. Тамъ же: Катерина изъ Мшанъ жалуется на Гиру изъ Ростока, že se uvázal bezprávne a drži dèdinu jejie vénnú zástavnú v Rostokách, dvor poplužni stvrzi —, na nemžto ma sto hriven striebra vena svého, jež ji to striebro venoval muz jeji Jan z Roztok když zaň vdávàna a on ji sobè ženu pojimal. См. тамъ же: стр. 70, 71. (Archiv Česky: т. 2, стр. 493, 504, 511).

[3]) Акты Зап. Россіи: т. 2, № 107, 157 и друг. Codex diplomaticus Poloniae: 2, 345; 2, 966 и друг. Статутъ Литовскій: арт. IX. Volumina legum: т. 2. Маціевскій: Hist. prav., т. 3. Извлеченія изъ досокъ судовъ земскихъ Чехіи (Arch. Česky: 1, 23, 4).

тинскія названія вѣна: dos и dotalitium въ началѣ смѣшивались, употребляясь, то въ смыслѣ приданаго, то въ смыслѣ обезпеченія жены [1]). Въ послѣдствіи же, начиная съ конца XIV-го столѣтія, для обозначенія вѣна стало всюду употребляться dotalitium, а dos осталось единственно при значеніи приданаго [2]).

Положеніе всѣхъ женъ у мужа было по видимому одинаково, разницы не замѣтно. Владиміръ послѣ Рогнѣды беретъ много другихъ женъ и ради ихъ охладѣваетъ къ Рогнѣдѣ, не смотря на ея княжеское происхожденіе и на то, что она была водимая, а не хоть («Поя же пакы ины жены многы и нача ей негодовати») [3]). Св. Оттонъ Бамберскій, запрещая Поморянамъ многоженство, предлагаетъ имъ выбрать изъ всѣхъ своихъ женъ одну, которая лучше нравится, и жить съ ней по обычаю христіянскому [4]). Если бы были жены съ извѣстнымъ преимуществомъ, то о такомъ выборѣ не могло быть и рѣчи. Дѣти всѣхъ женъ имѣли одинакія права въ отцовскомъ наслѣдіи. Владиміръ, сынъ Святослава отъ ключницы Ольгиной

---

[1]) Лелевель: Polska viekóv średnich т. 3, стр. 58—60.

[2]) Statuta Masoviae: Quod quotiescunque et quandocunque aliqua nobilis mulier, cujuscunque status et eminentiae, dotem suam, alias «possak», vel dotalitium alias «viano», in villa seu. haereditate, vel portione sui mariti, sibi assignatam vel assignatum habuerit. (Jus Polon. Bandtkie, стр. 430).

[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 137.

[4]) Vita Ottonis: qui plures habuerat uxores ante baptismum, nunc unam de illis, quae sibi magis placet, eligat, dimissisque aliis, hanc solam habeat ritu christiano (Перцъ XII, стр. 785).

Малуши, наслѣдуетъ на равнѣ съ своими братьями, дѣтьми другихъ женъ Святослава. Князь Чешскій Одальрихъ, бывшій въ Чехіи около 1002 года, когда еще господствовали тамъ языческіе обычаи, не имѣя дѣтей отъ жены, съ которой былъ соединенъ обрядомъ церковнымъ, взялъ кромѣ ея себѣ въ жены поселянку Божену. Отъ нея у него родился сынъ Брячиславъ, который послѣ смерти отца наслѣдовалъ ему въ княженіи Чешскомъ [1]). Польскій король Владиславъ-Германъ, женатый на Юдиѳи, Чешской княгинѣ, имѣлъ кромѣ ея еще жену крестьянку, которую вѣроятно потому польскіе лѣтописцы зовутъ наложницей (concubina). Однако сына отъ нея Збигнева Владиславъ торжественно призналъ своимъ сыномъ, назначивъ ему въ удѣлъ послѣ себя часть своихъ владѣній [2]). Могло быть однако, что одна изъ женъ, пользуясь вліяніемъ на мужа, дѣлалась главою всего дома. Такъ изъ жизни св. Оттона Бамберскаго видимъ, что въ семьяхъ Поморянъ является постоянно одна жена, какъ распорядительница всего дома: она завѣдуетъ хозяйствомъ, за отсутствіемъ мужа хлопочетъ о пріемѣ гостей, ей повинуются слуги, дѣти [3]). Что домашнее хозяйство лежало на женахъ, видно также изъ разсказа нашего лѣтописца: «Печенѣги осадили Бѣлгородъ, одинъ городской старецъ, обманывая ихъ, устроилъ среди города

---

[1]) Cosmae Chron., стр. 58. Chron. Dalemilova, стр. 72.

[2]) Мартинъ Галлъ: eumque tunc primum suum filium appelavit. (L. 2, стр. 143, 181). Кадлубекъ: L. 2, стр. 100.

[3]) Vita Ottonis (Перцъ XII, стр. 787, 795, 851, 864).

два колодца, и потомъ женщинамъ поручилъ приготовить кисельный растворъ; вливъ его въ колодцы, старецъ удивилъ Печенѣговъ видимымъ богатствомъ земли, и тѣмъ заставилъ ихъ бросить осаду [1]). Обычай разуванья мужа женою, видѣнъ изъ отвѣта Рогнѣды на предложеніе Владиміра: «не хочю розути робичича»,— и могъ бы дать мысль о зависимомъ положеніи жены. Но смыслъ этаго обычая, который подходитъ болѣе къ духу скандинавскаго права [2]), не соотвѣтствуетъ свободному проявленію воли Рогнѣды. — «Хочешь выдти за Владиміра? спрашиваетъ ее отецъ Рогволодъ. — «Не хочу за Владиміра, но за Ярополка хочу», говоритъ Рогнѣда, и отецъ уступаетъ ея желанію [3]).

Картину изъ семейной жизни языческаго времени представляетъ Несторъ въ житіи св. Ѳеодосія. Насильно привелъ домой бояринъ Иванъ изъ кельи преподобнаго Антонія своего сына Варлаама, который сталъ уже инокомъ. Жена Варлаама, желая удержать мужа въ жизни мірской, одѣвается въ лучшее платье, и когда Варлаамъ,

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 55.

[2]) Въ древне-скандинавскомъ правѣ обувь имѣла символическое значеніе при усыновленіи, узаконеніи. Отецъ приготовлялъ пиръ, убивалъ трехлѣтняго быка, снималъ съ правой ноги его кожу и дѣлалъ изъ нея башмакъ: сперва самъ надѣвалъ его, потомъ усыновляемый или узаконяемый сынъ, далѣе наслѣдники и друзья. Это называлось: «вступить въ башмакъ». При обрученіи, женихъ приносилъ башмакъ невѣстѣ, она надѣвала его на свои ноги и это было символомъ поступленія ея подъ власть мужа. Сильнѣйшіе короли посылали слабѣйшимъ башмакъ свой и тѣ его носили въ знакъ своей подчиненности. (Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, т. I, стр. 155, 156.)

[3]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 32.

уйдя къ себѣ въ клѣть, сѣлъ въ углу ея, — жена его «хожаше предъ нимъ и моляшети и сѣсти на одрѣ своемъ» [1]). Любовь и привязанность женъ славянскихъ къ мужьямъ, видна какъ изъ нашихъ такъ изъ чужеземныхъ извѣстій. Остается вѣрна своему мужу Ольга, не склоняясь на просьбы Древлянъ, и не смотря на то, что мужъ этотъ былъ, какъ говорили Древляне, «аки волкъ восхищая и грабя». Приходитъ она на могилу мужа плакать и помянуть его по язычески (совершить по немъ тризну) [2]). Рогнѣда мститъ мужу болѣе за пренебреженную любовь, чѣмъ за убіеніе отца и полонѣніе земли: «жалко стало мнѣ», говоритъ она, остановленная въ своемъ намѣреніи, «что ты отца моего убилъ, землю его полонилъ и теперь вотъ не любишь меня и съ моимъ младенцемъ» (и се нынѣ не любиши мене и съ младенцемъ симъ) [3]). «Жены ихъ,» говоритъ императоръ Маврикій о Дунайскихъ славянахъ, «выше всего хранятъ вѣрность къ мужьямъ своимъ, такъ что многія изъ нихъ утѣшаются въ смерти мужей только собственною смертію [4]). Св. Бонифацій, архіепископъ Германіи, въ письмѣ своемъ англійскому королю Этельреду, упрекая его въ порочной жизни, ставитъ ему въ

---

[1]) Житіе св. Ѳеодосія по изданію Бодянскаго. (Чтенія Общества Ист. и Др. 1858 г., кн. 3.)

[2]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 23, 24.

[3]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 131.

[4]) Pudicitiae servantes et feminae eorum supra omnem modum erga maritos suos, adeo ut earum multae virorum suorum mortem proprio interitu solari voluerint, seque; ipsas suffocarint ultro, non ferentes vitam solitariam. (Mauricii Strategicum: ed. Schefferi, cap. V, стр. 273).

образецъ семейную жизнь Славянъ. «У нихъ мужъ и жена такъ ревностно хранятъ взаимно супружескую любовь, что жена, по смерти своего мужа, отказывается жить, и та хвалится особенно, которая сама себя убиваетъ, чтобы сгорѣть съ мужемъ на одномъ кострѣ [1]). Приведенныя извѣстія причиной самосожиганія женъ славянскихъ выставляютъ совсѣмъ не то, что указываютъ арабскіе писатели, при разсказѣ о сожиганіи женъ у Руссовъ [2]). Императоръ Маврикій и св. Бонифацій видятъ въ самосожиганіи женъ славянскихъ доказательство ихъ безпредѣльной привязанности къ мужьямъ своимъ, жизнь безъ которыхъ была бы имъ тягостна. Объясненіе Массуди, что жены Руссовъ умирали вмѣстѣ съ мужьями, такъ какъ только съ ними онѣ имѣли доступъ въ рай [3]), соотвѣтствуетъ болѣе законамъ скандинавскимъ, гдѣ независимое положеніе жены было немыслимо и судьба ея неразрывно соединялась съ судьбою мужа [4]). Красота жены цѣнилась. Святославъ женитъ сына Ярополка на плѣнницѣ Гречанкѣ, «красоты ради лица ея».

---

[1]) Et Vinedi, quod est foedissimum et deterissimum genus hominum tam magno zelo matrimonii amorem mutuum servant, ut mulier viro proprio mortuo vivere recuset, et laudabilis mulier inter illas esse judicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pariter ardeat cum viro suo.—(Erben: Regesta diplom. Bohemiae et Moraviae I, стр. 2). Тоже говоритъ Дитмаръ о Полькахъ (у Перца т. V, стр. 861).

[2]) Ибнъ-Фоцланъ и Массуди, у Френа: Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit (стр. 11—21, 105).

[3]) Sic enim, se aeternam felicitatem adepturas esse, credunt. (У Френа, стр. 105).

[4]) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer I, 451—453.

Ольга удивляетъ красотой лица Греческаго императора [1]). Въ обычаѣ было украшать жены драгоцѣнностями. Русскій лѣтописецъ, около 1204 года, при началѣ труда своего, вспоминаетъ старое время и говоритъ, что въ тѣ времена мужья не возлагали на жены своихъ золотыхъ обручей, какъ въ его время, но тогда ходили жены ихъ въ серебрѣ [2]). Гельмольдъ говоритъ, что Поморяне всѣ свои драгоцѣнности, которыя только къ нимъ приходили, отдавали или храмамъ, или своимъ женамъ на украшеніе [3]). Жена имѣла право на часть мужнина имѣнія. Въ договорѣ Олега съ Греками говорится, что жена бѣжавшаго убійцы получаетъ часть его имѣнія, опредѣленную ей закономъ [4]). Въ договорѣ Игоря съ Греками, между русскими послами упоминаются и послы отъ женъ. Ольга имѣетъ свой городъ Вышгородъ, гдѣ собиралось собственно ей принадлежавшее имѣніе, — имѣетъ селыцо

---

[1]) П. С. Р. Л. I, стр. 26, 32.

[2]) П. С. Р. Л. т. V, 87; VII, 267. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ, Русскія жены восплакали: Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити....., а злата и сребра ни мало того потрепати.

[3]) Helmold: Chron. Slav., стр. 95. Мартинъ Галлъ говоритъ, что во времена Болеслава 1-го, въ Польшѣ: Mulieres vero curiales coronis aureis, monilibus murenulis, brachialibus auri et gemmis ita onuste procedebant, quod ni sustentarentur ab aliis, pondus metalli sustinere non valebant. (Chron. Polon., стр. 65).

[4]) Аще ли убѣжитъ створивый убійство, аще есть имонитъ, да часть его, сирѣчь яже его будетъ во закону, да возметъ ближній убьеного, а и жена убившаго да имѣетъ толикъ же прибудетъ во закону. (П. С. Р. Л. т. I, стр. 14).

Ольжичи [1]). Обезпечивалась особенно жена съ дѣтьми. Святославъ далъ женѣ своей Малушѣ село Будятино, гдѣ у ней родился Владиміръ [2]). Умирая, Малуша завѣщала это село церкви св. Богородицы. Владиміръ посадилъ сперва Рогнѣду съ ея дѣтьми на Лыбеди, гдѣ потомъ было сельцо Предиславино, туда онъ и ѣздилъ къ ней; послѣ ея проступка, онъ, по совѣту-бояръ, построилъ ей городъ Изяславль, куда отправилъ ее вмѣстѣ съ сыномъ [3]).

Значеніе матери было важною, нравственною опорою женщины въ древне-русскомъ обществѣ, когда еще тамъ господствовала матеріяльная сила. Относясь къ женщинѣ болѣе съ чувственной стороны, имѣя дѣтей отъ многихъ женъ, отецъ мало заботился объ исполненіи своихъ отеческихъ обязанностей. Да и нѣкогда было ему. Святославъ, кромѣ двухъ сыновей Ярополка и Олега, бывшихъ какъ видно отъ одной матери, имѣлъ еще отъ Малуши, ключницы Ольгиной, сына Владиміра. Раздавъ, при вторичномъ уходѣ въ Болгарію, Ярополку Кіевъ, Олегу землю Древлянъ, Святославъ позабылъ о Владимірѣ. Его родственникъ Добрыня напоминаетъ о немъ Святославу. Приходятъ къ Святославу Новгородцы просить Князя;

---

[1]) Ольга возложила на Древлянъ дань; двѣ части этой дани видета Кіеву, а третьяя Вышегороду къ Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ (въ друг. сп. Ольжинъ)..... и есть село ее Ольжичи и доселѣ. (П. С. Р. Л. т. I, стр. 25).

[2]) Лѣтоп. по Никонову списку. (П. С. Р. Л. т. IX, стр. 35).

[3]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 34, 131.

Ярополкъ и Олегъ отказываются идти къ нимъ. «Просите Владиміра», говоритъ имъ Добрыня. «Вото вы есть», отвѣчаетъ Святославъ на просьбу Новгородцевъ [1]). Владиміръ, имѣя кромѣ Рогнѣды много другихъ женъ, охладѣлъ къ первой и къ ея ребенку. «Нынѣ не любиши мене и съ младенцемъ симъ», говоритъ оскорбленная супруга и мать [2]). Такимъ образомъ, всѣ заботы о дѣтяхъ возлагались на мать; ей почти единственно принадлежало воспитаніе будущихъ членовъ общества. Отсюда то уваженіе къ достоинству и значенію матери, которое мы встрѣчаемъ въ Русскомъ обществѣ, въ его языческую пору. Любящее сердце женщины, не встрѣчая при грубости времени отвѣта въ мужѣ, обращалось на дѣтей. Плакали матери, говоритъ лѣтописецъ, когда у нихъ отбирали дѣтей въ книжное ученіе, «какъ по мертвецахъ» [3]). Живетъ Ольга въ Кіевѣ, пребывая въ любви съ сыномъ своимъ, воспитываетъ его до возраста и возмужалости («кормящи сына своего до мужьства его и до взраста его»). Сдѣлавшись христіянкою, Ольга старается и сына ознакомить съ новою религіею, доставить и ему ту радость, которую сама испытала. «Я, сынъ мой», говорила она, «узнала Бога и радуюсь; если ты Его узнаешь, и ты станешь радоваться». Святославъ, воспитанный среди дружины, опасался ея насмѣшекъ и не слушалъ матери. Но

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 29.

[2]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 131.

[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 51.

Ольга не переставала любить его: «но обаче любяше Ольга сына своего Святослава». «Да будетъ воля Божья», говорила она, «если Богъ хочетъ помиловать родъ мой и землю Русскую, то возложитъ имъ на сердце — обратиться къ нему, какъ возложилъ и мнѣ». И молилась Ольга за сына своего и людей «по вся нощи и дни» [1]). Судьба матери была неразрывно связана съ судьбою дѣтей ея. Рогнѣда, пойманная въ намѣреніи убить мужа, приговорена къ смерти. Но она еще находитъ защиту въ сынѣ. «Отче», говоритъ ребенокъ отцу, входящему казнить мать, «развѣ ты думаешь, что ты одинъ здѣсь?» Владиміръ, пораженный явленіемъ сына, опускаетъ мечъ. — «А кто тебя зналъ, что ты здѣсь,» отвѣчалъ онъ ему.—Совѣтъ, полученный Владиміромъ отъ бояръ, говоритъ объ уваженіи, которое питалось къ личности матери: «ужь не убивай ее ради этаго ребенка, но воздвигни отчину отца ея, и дай ей съ сыномъ» [2]). Владиміръ соглашается. Попеченія и заботы, которыя употребляла мать при воспитаніи дѣтей своихъ, давали ей въ народномъ воззрѣніи неоспоримое право на уваженіе послѣднихъ. Святославъ, поселившись въ Переяславцѣ на Дунаѣ, оставилъ Кіевъ и мать съ дѣтьми въ добычу Печенѣгамъ. Кіевляне напоминаютъ ему объ обязанностяхъ его, относительно ихъ и матери. «Ты, князь», посылаютъ они сказать ему, «чужую землю ищешь и блюдешь, а отъ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 27.
[2]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 131.

своей отрекся; чуть Печенѣги не взяли насъ и твою мать и дѣтей, если не придешь, не оборонишь насъ, то опять возьмутъ; развѣ тебѣ не жалко отчины своей, ни старой матери, ни дѣтей». Святославъ не могъ не удовлетворить народному требованію, тотчасъ пришелъ въ Кіевъ, поцѣловалъ мать и дѣтей и прогналъ Печенѣговъ [1]). Но болѣе полный образъ женщины-матери древнѣйшей Руси представляетъ мать св. Ѳеодосія. Взросшая въ условіяхъ языческаго быта, она носила въ себѣ отпечатокъ его отличительныхъ чертъ. Потому, рядомъ съ дикимъ проявленіемъ грубой силы, мы встрѣчаемъ въ ней и глубоко-нѣжное чувство материнской любви. Живыя сцены между ей и сыномъ, которыя такъ вѣрно изображаетъ Несторъ, могутъ одни служить прекрасною характеристикой древнѣйшей Русской женщины. Избивъ сына за уходъ со странниками, продержавъ два дня въ заперти и наложивъ на ноги оковы, чтобы онъ не ушелъ вторично,—она, смилосердовавшись надъ нимъ, начала съ мольбою уговаривать его, чтобы онъ не уходилъ отъ нея: «любляше бо и зѣло паче иныхъ, и того ради не терпяше безъ него». И часто за побоями и бранью слѣдовала мольба. Когда Ѳеодосій началъ печь просвиры, то мать его, видя въ этомъ униженіе своему роду, запрещала ему иногда ласкою, иногда угрозою, а иной разъ и била его, чтобы онъ оставилъ такое занятіе. Попытки Ѳеодосія, скрыться отъ матери, долго не

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 28.

удавались, она всегда находила его. «Не уходи отъ меня», говорила она ему, «куда бы ты не ушелъ, я найду тебя». Однако, когда Ѳеодосій ушелъ въ пещеру къ Антонію, то мать, долго проискавъ сына въ своемъ городѣ, въ окрестностяхъ и не найдя, плакала по немъ, ударяя въ грудь, какъ по мертвомъ. Когда же ей сказали, что сына ея видѣли въ Кіевѣ, гдѣ онъ ходилъ и желалъ постричься въ какомъ-либо монастырѣ, то мать ни сколько не медливъ и не боясь долгаго пути, отправилась искать сына. Въ Кіевѣ обошла всѣ монастыри, ища его. Наконецъ узнала, что сынъ ея въ пещерѣ у преподобнаго Антонія. Къ хитрости прибѣгаетъ женщина-мать, чтобы увидѣть сына. Лаской сперва вызываетъ старца. — «Скажите», говоритъ, «преподобному, пусть выйдетъ ко мнѣ, — я пришла издалека, чтобы бесѣдовать съ нимъ и поклониться его святости; пусть благословитъ меня». Когда вышелъ къ ней старецъ, она, побесѣдовавъ съ нимъ о многомъ, открыла, для чего пришла. «Прошу тебя, отче, говорила она, «гдѣ находится сынъ мой?» Старецъ, разсказываетъ Несторъ, будучи простъ умомъ и не зная лести ея, сказалъ ей: «сынъ твой здѣсь, не сокрушайся о немъ, онъ живъ». — «Отчего же я не вижу его?» говорила она. «Я прошла долгій путь и пришла въ этотъ городъ съ тѣмъ, чтобы повидаться съ сыномъ и потомъ возвратиться». Старецъ обѣщалъ выслать къ ней сына. Но на другой день онъ объявилъ ей, что сынъ не хочетъ къ ней выти. Тогда, обманутая въ надеждѣ, мать не могла уже болѣе скрываться и оставивъ смиреніе, съ гнѣвомъ кри-

чала старцу: «обидѣлъ меня, старецъ, взялъ сына моего, скрылъ его въ пещерѣ и не хочетъ мнѣ показать его; выведи мнѣ, старецъ, сына моего, чтобы видѣла я его; я не могу быть жива, если не увижу его; покажи мнѣ сына, иначе умру отъ скорби; сама себя погублю предъ дверьми этой пещеры, если не покажешь мнѣ его!» Разжалобила она Антонія. Въ сильной скорби пошелъ онъ въ пещеру и упросилъ Ѳеодосія выти къ матери. Она увидѣла его, изнеможеннаго, съ лицемъ измѣнившимся отъ трудовъ и воздержанія, обняла его и горько плакала: «иди, сынъ мой, въ домъ свой», уговаривала она его, «и дѣлай тамъ все, что хочешь, все, что необходимо для спасенія души; только не разлучайся со мной. Когда погребешь меня, тогда возвратишься въ эту пещеру, по своему желанію: я не могу быть живою безъ тебя». Но Ѳеодосій не соглашался на увѣщанія матери; онъ предлагалъ ей, если она хочетъ видѣть его постоянно, постричься въ какомъ-либо изъ женскихъ монастырей Кіева. Въ началѣ она не хотѣла и слушать. Въ ней боролись съ одной стороны чувства матери, съ другой, привязанность къ прежней жизни. Первое наконецъ взяло верхъ, да вѣроятно и наставленія Ѳеодосія не пропали даромъ. Пришла она къ нему однажды и сказала: «дитя мое, я готова исполнить то, что ты приказываешь; не возвращусь я въ свой городъ, пойду въ женскій монастырь и въ немъ постригшись, проведу остальные дни свои» [1]). Тѣ-

[1]) Житіе Св. Ѳеодосія (изд. Бодянскаго).

сная связь матери съ дѣтьми не могла не оказывать вліянія на послѣднихъ: характеръ матери явственно отражался и въ дѣтяхъ. Рогнѣда въ сынѣ приготовляетъ мстителя мужу. Всеславъ Полоцкій отъ матери наслѣдуетъ свой языческій оттѣнокъ.

Если умиралъ мужъ и дѣти были еще малы, то мать ихъ вступала въ распоряженіе всѣмъ оставшимся имѣніемъ. Ольга, послѣ убіенія Игоря Древлянами, за малолѣтствомъ сына Святослава, принимаетъ на себя обязанность мести Древлянамъ, вступаетъ въ управленіе всей землею, устаовляетъ повсюду дани, уроки, погосты и воспитываетъ сына своего до его совершеннолѣтія [1]). Въ такомъ-же положеніи была и мать Св. Ѳеодосія. Когда умеръ мужъ ея и Ѳеодосію было только 13-ть лѣтъ, она вступаетъ въ управленіе всѣмъ домомъ, отправляетъ рабовъ въ село для работы, сама надзираетъ за ними, печется о сынѣ [2]). Чрезвычайно близко подходитъ къ ней изображеніе одной вдовы у Поморянъ, въ жизни Св. Оттона. Эта вдова стала послѣ мужа главою большого дома, съ множествомъ рабовъ, земель. Искусно правила она всѣмъ домомъ, всѣ ее уважали; она отправляла слугъ на работу, сама за ними смотрѣла: «идите въ поле класть снопы наши», говоритъ она рабамъ своимъ, «а мнѣ приготовьте носилки; я вмѣстѣ съ вами отправлюсь на жатву.» — Придя въ поле, она засучиваетъ рукава, задергиваетъ платье, бе-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. 1, стр. 24—25.
[2]) Житіе Св. Ѳеодосія.

ретъ серпъ и говоритъ рабамъ: «смотрите на меня и дѣлайте то, что я». Невидимая сила поразила её, за презрѣніе къ христіянству и его праздникамъ [1]). Когда умеръ третій христіянскій князь Чехіи Вратиславъ, Чехи, на время малолѣтства сына его Вацлава, поручаютъ управлять землею матери Вацлава Драгомири, ревностной язычницѣ [2]).

При господствѣ въ обществѣ физической силы, ея проявленіе замѣтно и въ женщинѣ. Ольга употребляетъ всю свою мудрость на пріисканіе разныхъ родовъ мести Древлянамъ [3]). Рогнѣда, насильно вырванная изъ отцовской семьи, за неё погибшей, презрѣнная потомъ мужемъ, оказывавшемъ предпочтеніе другимъ женамъ, берется за ножъ, чтобъ отмстить свои попранныя права [4]). Похожа на нихъ была и мать Св. Ѳеодосія, какъ её изображаетъ Несторъ. Сердясь на сына за непослушаніе, она часто въ гнѣвѣ и запальчивости била его: была здорова и сильна, какъ мужчина, кто не видя ее, услышалъ бы разговоръ ея, — принялъ бы за мужчину. Когда Св. Ѳеодосій ушелъ было однажды съ паломниками ко святымъ мѣстамъ, тайно отъ матери, то послѣдняя, пустившись за нимъ въ погоню, догнала его и въ ярости и сильномъ гнѣвѣ, схвативъ за волосы, повергла на землю и своими ногами топтала

---

[1]) Vita Ottonis (у Перца, т. XII, стр. 787).
[2]) Chronika Česka Далемила.
[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 24—25.
[4]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 131.

его. Она была въ такомъ гнѣвѣ, что и придя домой, била сына, пока онъ изнемогъ. Послѣ того, ввела его въ отдѣльную горницу и тамъ привязавъ и затворивъ, оставила. Однажды, замѣтивъ у сына кровь на рубашкѣ отъ въѣвшагося желѣза, распалилась на него гнѣвомъ, съ запальчивостію разорвала рубашку, била его и сорвала желѣзо [1]). Славянки, какъ видно изъ Византійскихъ извѣстій, ходили вмѣстѣ съ мужьями на войну и вмѣстѣ съ ними погибали [2]). Чешскія хроники сохранили преданіе о, бывшемъ въ древнія времена, возстаніи дѣвушекъ Чешской земли. «Дѣвушки въ тѣ времена,» говоритъ Козьма Пражскій, «свободно росли въ Чешской землѣ, упражнялись въ военномъ дѣлѣ подобно амазонкамъ, избирали себѣ предводительницъ, ходили на войну, занимались охотою въ лѣсахъ, однимъ словомъ, въ образѣ жизни мужчинъ и женщинъ въ то время не было различія. Оттого смѣлость дѣвушекъ возросла до такой степени, что онѣ не далеко отъ Праги построили на одной скалѣ городъ, укрѣпленный самой природой; ему дано было дѣвическое имя: —Дѣвинъ. Видя это юноши, страшно раздраженные, собравшись во множествѣ, построили и себѣ на противоположной скалѣ, среди лѣса, городъ, который теперь зовется Вышгородъ, а тогда, отъ кустарниковъ кругомъ его росшихъ, назывался Тростенъ. И то дѣвушки успѣвали брать верхъ надъ юношами лов-

---

[1]) Житіе Св. Ѳеодосія.

[2]) Стриттеръ: Memoriae populorum томъ 2, стр. 72.

костью, то юноши одолѣвали дѣвушекъ силою; — былъ между ними то миръ, то война [1]). Дитмаръ говоритъ, какъ одна жена славянка, имя которой было Бѣла-княгиня, пила чрезмѣрно, подобно воинамъ ѣздила на конѣ и однажды придя въ ярость убила мужчину. «Рука эта,» прибавляетъ Дитмаръ, «лучше-бы касалась веретена, укрощая буйный духъ терпѣніемъ» [2]).

Но была сторона въ языческой Руси, гдѣ женщина выдвигалась особенно. Живя въ непрерывной связи съ окружающей природой, населяя ее міромъ живыхъ существъ, непрестанно выказывающихъ свое дѣйствіе, народъ видѣлъ въ природѣ участницу своей жизни, дѣлилъ съ ней радости и горе, обращался къ ней въ случаѣ нужды за помощью. Женщина была всѣхъ ближе къ природѣ, знакомѣе съ ея явленіями. Мужчина уходилъ на ловы, на пашню, въ походъ, женщина съ дѣтьми оставалась дома. Предъ ней былъ живой міръ существъ природы; она сближалась съ нимъ, старалась открыть въ немъ подходящее къ ея нуждамъ, желаніямъ и тутъ то пріобрѣтала ту силу вѣденія, вѣщую силу, являясь съ которой въ языческомъ мірѣ, она получала тамъ значеніе [3]). Слово о полку Иго-

[1]) Chronica Cosmae (у Перца т. IX, стр. 38—39). Dalemilova Chronica: стр. 17—30, изд. Ганки.

[2]) Дитмаръ: Uxor autem ejus Beleknegini, id est pulchra domina, sclavonice dicta, supra modum bibebat et in equo more militis iter agens, quendam virum iracundiae nimio fervore occidit. (У Перца т. 5, стр. 862).

[3]) Изъ природы заимствуетъ женщина символы, обозначить явленія духовной жизни своей и того, что связано съ ней. Весь послѣдовательный ходъ жизни женщины отъ ея дѣвичества имѣетъ и въ природѣ соотвѣтственный рядъ символическихъ знаковъ. (См.: Историческое значеніе Русской народной поэзіи Н. Костомарова).

ревѣ, полное слѣдовъ языческаго быта, въ образѣ плачущей въ Путивлѣ Ярославны, выводитъ предъ нами древнерусскую женщину въ ея бесѣдѣ съ природой. Къ природѣ, къ ея наиболѣе дѣйствующимъ силамъ, обращается одинокая Ярославна съ мольбой о мужѣ, ушедшемъ въ походъ. «О вѣтрѣ! вѣтрило! чему господине насильно вѣеши?» молитъ Ярославна вѣтеръ. — «Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя? «О Днепре словутицю!» обращается она къ Днѣпру, «ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую... Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.» «Свѣтлое и тресвѣтлое солнце!» говоритъ она солнцу «всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче» [1]). Есть у насъ и другой не менѣе живой образъ нашей древнѣйшей женщины, въ ея вѣденіи тайнъ природы, въ ея всесильной мудрости. Это образъ Ѳевроніи Муромской. Ѳевронія дочь древолазца, она одна сидитъ дома въ мірѣ невидимыхъ существъ, точетъ кросна. Отецъ и мать ея ушли къ сосѣдямъ, братъ пошелъ въ лѣсъ доставать съ деревьевъ медъ. Рѣчь Ѳевроніи, къ нежданно вошедшему слугѣ князя, заключаетъ въ себѣ

[1]) Слово о полку Игоревѣ (Русскія Достопамятности т. 3, стр. 210, изд. Дубенскаго).

формы, которыми любитъ выражаться, народная мудрость. «Не хорошо быть дому безъ ушей, а храму безъ очей,» говоритъ она въ началѣ, «отецъ и мать моя пошли въ заемъ плакать, братъ же мой пошелъ черезъ ноги въ нави врѣти,» отвѣчаетъ она потомъ, на вопросъ пришельца о хозяинѣ. Одарена Ѳевронія врачебной силой, знаетъ она цѣлительныя травы. Мудрость, сила Ѳевроніи и право ея на бракъ съ княземъ [1]). Уступаетъ князь этой мудрости и вѣщая дочь древолазца становится княгиней [2]).

Древнѣйшія преданія Русскихъ, Чеховъ, Поляковъ, при самомъ началѣ общественнаго строя, представлютъ женщину, какъ руководительницу еще молодого, только что сложившагося общества. Ольга русскихъ, Любуша Чеховъ, Ванда Поляковъ,—что давало имъ право на вліяніе въ народѣ? вѣденіе, сила вѣщая, которой онѣ обладали. Какъ искусно успѣваетъ постоянно обманывать Древлянъ Ольга: «уже мнѣ мужа моего не воскресить», говоритъ она, чтобы легче заманить въ свои сѣти пословъ Древлянскихъ, которые предлагали ей вторичное замужество. Хорошо знаетъ она всѣ обычаи и порядки язычества: творитъ тризну по мужѣ, ставитъ надъ его могилой большую насыпь. «У васъ теперь нѣтъ ни меду, ни шкуръ, но дайте мнѣ отъ двора по 3 голубя, да по 3 воробья: я не хочу

---

[1]) «Дѣвица эта хочетъ быть моей супругой ради своей мудрости», говоритъ князь Петръ.

[2]) Житіе Петра и Февроніи Муромскихъ. (Памятники Старинн. Русск. Литературы изд. Костомаровымъ т. 1, стр. 29; Историч. Очерки Русск. Народн. Слов. и Литер. Буслаева 1, 289).

на васъ возлагать много, какъ мужъ мой, вы и такъ изнемогли въ осадѣ, оттого прошу у васъ мало», говоритъ льстиво Ольга жителямъ Коростеня съ тѣмъ, чтобы тяжелѣе обрушить на нихъ свою месть. По всей русской землѣ ходитъ она, всюду водворяя порядокъ. Идетъ въ Царьградъ Ольга. Смысленой видитъ ее тамъ предъ собою царь Цимисхій, дивится онъ разуму ея, самъ долженъ уступить ей въ хитрости: «переклюкала мя еси, Ольга», восклицаетъ Цимисхій. Срамитъ Ольга пословъ царевыхъ, когда они приходятъ къ ней за дарами въ Кіевъ: «постойте», говоритъ она имъ, «столько у меня на Почайнѣ, сколько я у васъ въ Суду» и съ тѣмъ отпускаетъ ихъ [1]). Однимъ словомъ, всѣ черты преданія объ Ольгѣ, всѣ хотятъ выставить ея высшій разумъ, высшее вѣденіе. Три дочери оставилъ послѣ себя Крокъ, древній правитель Чеховъ. Каждая изъ нихъ была одарена особеннымъ свойствомъ. Старшая, Каза, знала свойства травъ и кореньевъ, останавливала болѣзни; вторая, Тета, научила грубый народъ религіознымъ обрядамъ, указала почитать высшихъ божествъ: Ореадъ, Дріядъ, Амадріядъ; но мудростью стояла всѣхъ выше Любуша, ее знаніе проникало въ будущее; ей поручаютъ Чехи творить судъ въ землѣ ихъ. Она судитъ, издаетъ приговоры, хвалятъ ихъ Чехи; въ ея судѣ участвуютъ дѣвы съ всеобъемлющимъ вѣденіемъ [2]); они держатъ доски правды и мечь

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 24—26.

[2]) Судъ Любуши: Dvé vèhlasnie dievie vyućenie vèsćbàm vytiezovym (Изд. Палацкаго).

характель кривды. Ссора о наслѣдствѣ двухъ братьевъ приводитъ народъ къ мысли объ избраніи правителя мужчины. И тутъ обращаются къ знанію Любуши, отъ ея вѣденія ожидаютъ указанія: «povíez nám vieścbami svými» [1]). Любуша указываетъ на Пржемысла, но раньше предваряетъ, какой характеръ приметъ правленіе. Является Пржемыслъ, пріучаетъ необузданный народъ къ повиновенію и вмѣстѣ съ Любушей издаетъ много полезныхъ для страны законовъ: «solus cum sola Lubossa dictavit». Предъ смертью Любуша указываетъ мѣсто для постройки города Праги, пророчески предсказываетъ будущую славу ея, богатство—«и много бы еще говорила она», заключаетъ Козьма Пражскій, «если бы не оставилъ ее вѣщій духъ ея» [2]). Умеръ Крокъ, древнѣйшій предводитель Леховъ и основатель Кракова, оставилъ двухъ сыновей и одну дочь. Старшій сынъ наслѣдуетъ отцу, но убивается младшимъ, этотъ умираетъ безъ потомства. Остается сестра ихъ Ванда. Чудной красотой своей она завлекаетъ каждаго, кто только видитъ ее, своей мудростью превосходитъ мудрѣйшихъ и храня дѣвичество, упорно отклоняетъ бракъ. Сдѣлавшись, по общему желанію народа, правительницей, правитъ мирно и счастливо.

---

[1]) Vestba отъ vesti vedeti (грамматика Домбровскаго 37), по объясненію Юнгманна означала прежде знаніе. (Slovnjk česko-némecký Jungmanna т. 5, стр. 79). Сравн. Польск. viesczczba, vieszczy. (Linde: Słownik języka Polskiego т. VI, стр. 315, 316).

[2]) Cosmae Chron. (у Перца т. IX, стр. 34—38). Dalemilova Chronica стр. 10 и далѣе. Любушинъ Судъ. (Изд. Шафарика и Палацкаго: Aelteste Denkmäler etc.).

Молва о ея красотѣ доходитъ до одного нѣмецкаго князя. Сперва мольбы и подарки употребляетъ онъ, чтобъ получить руку красавицы. Потомъ, думая овладѣть ею силой, приводитъ въ Польшу огромное войско. Выходитъ къ нему на встрѣчу Ванда и едва увидѣли ее враги, какъ пораженные ея красотой, не хотятъ сражаться и бѣгутъ. Полный негодованія и любви восклицаетъ князь: Ванда повелѣваетъ землею, водою и воздухомъ!... Ванда приноситъ себя въ жертву за народъ свой! И я, о товарищи, обрекаю себя богамъ подземнымъ, да всѣ потомки ваши и потомки потомковъ вашихъ сострадаются подъ властію женщины! Сказавъ, тотчасъ поражаетъ себя мечемъ. Возвращается домой Ванда и благодаря Боговъ за славу побѣды, сама себя приноситъ имъ въ жертву, бросившись въ Вислу. Рѣка получаетъ ея имя [1]).

Общимъ убѣжденіемъ въ вѣщую силу женщины, въ ея знаніе тайнъ природы, объясняются и дѣйствія волховъ въ Ростовской области. Являясь тамъ двукратно, въ 1024 и 1071 годахъ, во время голода, они складываютъ причину его на женщинъ: «знаемъ мы кто держитъ обилье», говорятъ они и ходя по погостамъ указываютъ на лучшихъ женъ: «эти держатъ жито, эти медъ, эти рыбу, эти шкуры». Народъ вѣритъ, приводитъ своихъ матерей, женъ, сестеръ; волхвы разрѣзаютъ у нихъ за плечемъ и вынимаютъ по видимому или жито, или рыбу;

---

[1]) Boguphali Chronicon Poloniae (изд. Яблоновскаго, Варшава, 1752 г., стр. 8—9). Польская хроника Кадлубка (изд. Пржездецкаго 1862 г., Краковъ, стр. 12—13).

такъ погибло много женъ, имѣнье ихъ волхвы отбирали себѣ. Янъ, княжій дружинникъ, представитель новыхъ христіянскихъ понятій, изобличаетъ обманъ. «По истиннѣ это ложь», говоритъ онъ, «Богъ сотворилъ человѣка изъ земли, составленъ онъ костями, жилами отъ крови, нѣтъ въ немъ ничего и ничего онъ не знаетъ, знаетъ только одинъ Богъ (Нѣсть въ немъ ничтоже; и не вѣсть ничтоже, но токмо единъ Богъ вѣсть). Это была проповѣдь распространявшагося въ Руси христіянства, подъ ея вліяніемъ тѣ, которые недавно сами приводили своихъ женъ къ волхвамъ, теперь мстятъ имъ за смерть своихъ родныхъ [1]). Большая часть Славянъ вѣроятно имѣла у себя своихъ вѣщихъ женъ, прорицательницъ будущаго. У балтійскихъ славянъ на островѣ Рюгенѣ, на землѣ у разложеннаго огня, сидѣли женщины и проводили безъ счета черты на пеплѣ, потомъ смотрѣлось: четъ означалъ успѣхъ дѣла, нечетъ—неудачу [2]).

И долго еще сохраняетъ женщина свой вѣщій характеръ, который воспитала въ ней языческая Русь. Только вѣденіе ея, съ распространеніемъ христіянства, получаетъ въ понятіяхъ народа злое начало. Галичане, въ XII столѣтіи, сожигаютъ Настасью жену Ярослава Галицкаго, обвинивъ ее въ чародѣйствѣ [3]). Въ

---

[1]) П. С. Р. Л. 1, стр. 75—76.

[2]) Giesebrecht: Vendische Geschichte т. 1, стр. 74. Дитмаръ (у Перца т. V, стр. 812). Maciejovski: Historya pravodavstv Slov. т. 2, стр. 189. По преданію о борьбѣ Чеховъ съ сосѣднимъ народомъ Лучанами, на той и другой сторонѣ были жены, которыя вѣрно предсказали исходъ борьбы. (Cosmae Chron. стр. 41 и Далемилъ стр. 34).

[3]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 106.

концѣ 13-го столѣтія, приводятъ женщинъ къ водѣ — пытать ихъ чародѣйскую силу [1]). Долго еще потомъ продолжаетъ нападать духовенство на женъ чаровницъ, выходящихъ въ луга, болота, пустыни, дубравы искать смертныхъ травъ на пагубу людямъ и животнымъ,—копающихъ «дивія коренія на потвореніе мужемъ своимъ», — на женъ, которыя умываются водою и потомъ даютъ ее пить мужьямъ своимъ, для привлеченія ихъ любви, — на лихихъ бабъ съ ихъ узлами, примолвленьями, зеліями, вороженьями [2]). При появленіи христіянства, мужчина скорѣе измѣняетъ прежней религіи. Проводя жизнь то въ войнѣ, то въ охотѣ, то въ земледѣльческихъ занятіяхъ, онъ равнодушнѣе въ этомъ дѣлѣ. «Дружина начнетъ смѣяться», отвѣчаетъ единственно Святославъ на убѣжденія Ольги принять христіянство [3]). Но женщина держится долѣе старой религіи; ей трудно оставить то, что такъ глубоко входило въ ея жизнь. Даже въ Княжеской семьѣ, обыкновенно болѣе доступной христіянству, мы въ лицѣ матери Всеслава Брячиславича Полоцкаго видимъ еще женщину языческой Руси. Не къ христіянскимъ священникамъ обращается она при рожденіи сына, но къ волхвамъ: «его же роди мати отъ вълхвованья», говоритъ лѣтописецъ,

---

[1]) «Вы же воду послухомь постависте и глаголете: аще оутапати начнеть не повинна есть, аще ли попловеть волховь ѥ.» [Изъ слова Серапіона еп. Владимірскаго, по списку Златой Цѣпи XIV в. (Историч. Христоматія Буслаева стр. 497).

[2]) Дополн. къ Акт. Историч. т. 1, № 22. Акты Археогр. Эксп. т. 1, № 369.

[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 27.

«матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «се язвено, навяжи на нь, да носить е до живота своего, еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ.» Эти обстоятельства, сопровождавшія рожденіе и воспитаніе Всеслава, налагаютъ на него какой-то вѣщій характеръ. Лѣтописецъ объясняетъ этимъ его кровожадность: «сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье» [1]). О такомъ же обращеніи матерей къ волхвамъ говоритъ и Кирикъ въ своихъ вопросахъ Нифонту: «что дѣлать съ женами, когда онѣ, при болѣзни дѣтей своихъ, несутъ ихъ для молитвы не къ священникамъ, а къ волхвамъ [2])?

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 67. Пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ заключаетъ такъ своей разсказъ о Всеславѣ Полоцкомъ: Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. (Изд. Дубенскаго стр. 196).

[2]) Памятники Русской Слов. XII в., изд. Калайдовича.

II.

ХРИСТІЯНКА.

При немногихъ данныхъ, которыя оставило намъ Русское язычество для выясненія различныхъ сторонъ своего быта, трудно опредѣлить съ полнотою и положеніе женщины въ то время, тѣмъ болѣе, что многое въ язычествѣ еще и не успѣло вполнѣ опредѣлиться, когда явилось христіянство. Христіянство явилось къ намъ изъ Греціи религіей установившейся; ея основныя положенія успѣли уже выработаться, благодаря дѣятельности соборовъ и святителей Церкви. Все, что не противорѣчило въ язычествѣ этимъ положеніемъ, новая религія, оставивъ нерушимымъ, облекла только въ болѣе опредѣленныя формы. Коснувшись семьи, христіянство постаралось прежде всего укрѣпить въ ней значеніе родителей. На духовныхъ пала обязанность поддержать права родителей. «Чтите стараго человѣка и родителей своихъ,» учитъ свою паству Лука Жидята Еп. Новгородскій [1]). Мать обижаемая дѣтьми,

[1]) Русскія Достопамятности т. 1.

обратилась съ жалобой къ Митрополиту Іонѣ. Тотъ, давъ дѣтямъ наставленіе изъ священнаго писанія, убѣждалъ ихъ: «благословляю васъ, своихъ дѣтей, чтобы есте, сынове, нашей дчери, а своей матери... челомъ добили, а у нее бы есте собѣ прощенье взяли и честъ бы есте къ ней пошлую родительскую имѣли во всемъ, по Божію повелѣнію и по божественныхъ писаній указанію и по нашему благословенію, и были бы есте ей всячески послушливы во всемъ». Къ наставленію Митрополитъ прибавляетъ, что въ случаѣ непослушанія ихъ, онъ прибѣгнетъ къ мѣрамъ болѣе строгимъ: созоветъ соборъ духовныхъ и «соборнѣ возря въ божественая правила священная,» подвергнетъ непокорныхъ дѣтей церковному наказанію, вмѣстѣ съ неблагословеніемъ своимъ и прочихъ священниковъ [1]). Св. Борисъ, какъ говоритъ въ житіи его Несторъ, не имѣлъ желанія вступать въ бракъ, но исполнилъ это, не желая преступить воли отца [2]). Увеличивъ власть родителей, христіянство возложило на нихъ и обязанность тщательнаго воспитанія дѣтей. Въ нашей древней литературѣ мы имѣемъ даже образцы тѣхъ наставленій, которыя предлагали родители дѣтямъ. Наилучшее для нашего періода—поученіе Мономаха. «Дѣти мои», пишетъ Мономахъ, «не посмѣйтесь грамотцѣ моей, но кому будетъ люба, пусть приметъ ее въ свое сердце и пусть не лѣнится, пусть трудится. Прежде все-

---

[1]) Дополненіе къ Акт. Историч. т. 1, № 11.

[2]) Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ изд. И. И. Срезневскимъ.

го, ради Бога и своей души имѣйте въ сердцѣ страхъ Божій, творите милостыню неоскудную, въ томъ начало всякому добру... Тремя добрыми дѣлами побѣждается врагъ нашъ дьяволъ: покаяніемъ, слезами и милостынею; Бога ради не лѣнитесь, молю васъ, дѣти мои, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; — они не тяжки, это не одиночество, не чернечество, не голодъ, которыя терпятъ добродѣтельные люди.» Первую часть своего поученія, взятую изъ Св. Писанія, Мономахъ заключаетъ: «прочитывая, дѣти, эти слова божественныя, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою, а теперь послушайте наставленіе отъ моего безумія, если примете не все, то хоть половину». И за тѣмъ Мономахъ предлагаетъ дѣтямъ совѣты принаровительно къ ихъ жизни, ставя при этомъ въ образецъ себя или своего отца [1]). Осудивъ умыканіе невѣстъ, христіянство освятило бракъ своими обрядами. Вооружившись противъ многоженства, христіянство позаботилось установить правильнѣйшія, основанныя на христіянской любви, отношенія между супругами. «Жену свою любите», учитъ дѣтей Владиміръ Мономахъ. Преподобный Ѳеодосій любилъ боарина Яна и жену его Марію, особенно за то, что жили они по заповѣди Господней и пребывали въ любви между собой [2]). Не допуская частыхъ и произвольныхъ разводовъ, христіянство положило относительно ихъ опредѣленныя правила, за нарушеніе

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 100.

[2]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 91.

которыхъ уставило денежныя пени. «Если пуститъ боярин жену безъ вины,» говоритъ одна статья церковнаго устава Ярослава, «то платитъ ей за срамъ 5 гривенъ золота и епископу тоже 5.» Сверхъ денежнаго штрафа, виновный получалъ еще наказаніе отъ князя: «а князь казнитъ.» «Если мужъ женится на другой женѣ, не разведшись съ старою,» говоритъ также уставъ Ярослава, «то отвѣчаетъ предъ епископомъ и остается жить со старою, молодая же отдается въ домъ церковный» [1]). Проникая постепенно въ общество, новая религія стремится поднять въ немъ духовныя стороны и сдержать проявленія грубыхъ силъ. «Не прилично вамъ братіе,» учитъ свою паству Лука Жидята, «произносить срамныя слова и гнѣваться всякій день на всякаго человѣка.» «Подвинемся на добро,» приглашаетъ своихъ слушателей Ѳеодосій Печерскій, «не воздавая зломъ за зло, ни клеветою за клевету, но обратимся любовію къ Господу, постомъ и рыданіемъ и слезами омывая грѣхи свои, не словомъ называясь христіянами, а живя язычески.» Обширность страны, разбросанность и многочисленность населенія, вмѣстѣ съ недостаткомъ священниковъ — учителей не давало возможности христіянству проникнуть разомъ во всѣ слои общества, вотъ почему, оно, коснувшись сперва князей, бояръ,—продолжало за тѣмъ, хотя медленно, распространяться и въ прочей массѣ. Потому

---

[1]) См. также вопросы Кирика Нифонту. (Памятники Русск. Слов. XII в., изд. Калайдовича).

неудивительно, что первыя женщины-христіянки, которыхъ мы встрѣчаемъ, по преимуществу княжескаго или боярскаго происхожденія. Какъ входили христіянскія идеи въ русскую семью и какое дѣйствіе они производили въ ней, мы видимъ изъ одного прекраснаго мѣста въ разсказѣ Нестора о перенесеніи мощей Ѳеодосія: «когда былъ живъ Ѳеодосій и правилъ порученное ему Богомъ стадо черноризцевъ, то не только объ нихъ однихъ пекся, но и объ свѣтскихъ людяхъ, чтобъ и тѣ спаслись, особенно же о своихъ духовныхъ дѣтяхъ, наставлялъ и утѣшалъ приходящихъ къ нему, другой разъ самъ приходилъ въ домы ихъ и подавалъ свое благословеніе. Однажды пришелъ онъ въ домъ Яновъ, къ Яну и его подругѣ Маріи, — любилъ ихъ Ѳеодосій, — за то, что жили они по заповѣди Господней и пребывали въ любви между собою. Придя, Ѳеодосій сталъ учить ихъ о милостыни къ убогимъ, о царствѣ небесномъ, которое получатъ праведники, о мукѣ, назначенной грѣшникамъ, о смертномъ часѣ.» Предъ нами христіянская семья древней Руси; мы видимъ мужа и жену, живущихъ по заповѣди Господней, въ любви между собою. — Видимъ также, кто были проводники новыхъ христіянскихъ идей, ихъ распространители. То были духовные, просвѣщеннѣйшіе люди времени, представитель ихъ Ѳеодосій. — Узнаемъ также идеи, которыя особенно проводились въ семьѣ: жизнь по Господней заповѣди, — въ любви, милостыня убогимъ, царство небесное — достояніе праведниковъ, мука — грѣшниковъ, часъ смертный. — Какъ про-

никало все это въ душу женщины, видимъ изъ вопроса, которымъ прервала жена Яна рѣчь Ѳеодосія: «гдѣ меня положатъ, кто знаетъ?» «Гдѣ лягу я, тамъ и ты будешъ положена,» отвѣчалъ ей Ѳеодосій [1]).

Новая религія измѣнила видъ древней семьи. Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ говорится о Владимірѣ, что по крещеніи онъ обращается къ прежней своей женѣ Рогнѣдѣ: «я крещенъ теперь, принялъ вѣру и законъ христіянскій, теперь мнѣ слѣдуетъ имѣть одну жену, которую и взялъ я въ христіянствѣ, ты-же избери себѣ кого либо изъ моихъ вельможъ и я тебя выдамъ за него.» Рогнѣда не соглашается и проситъ о постриженіи въ монашество. «Развѣ только ты одинъ ищешь царства небеснаго?» говоритъ она Владиміру и постригается подъ именемъ Анастасіи [2]). Тѣснѣйшее сближеніе родителей съ дѣтьми замѣтно дѣйствуетъ и на ихъ воспитаніе. Дѣвушка взростаетъ, окруженная совокупными заботами отца и матери, стоитъ, по отношенію ихъ любви къ ней, на равнѣ съ братьями. Наши лѣтописцы нѣсколько разъ замѣчаютъ о жалости родителей, при выдачѣ ими своихъ дочерей въ замужество. Князь Всеволодъ Юрьевичь, отдавая дочь Верхуславу за Рюрика Ростиславича, «провожалъ свою милую дочь до трехъ становъ, и плакали по ней отецъ и мать; они её очень любили» [3]). Была свадьба у князя Романа Брянскаго,

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 91.
[2]) Густ. и Тверск. Лѣтоп. П. С. Р. Л. т. II, стр. 258; т. XV, стр. 112.
[3]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 136.

отдавалъ онъ свою милую дочь Ольгу за князя Владиміра Васильковича; еще другія три дочери были у Романа, эта четвертая, но она была ему всѣхъ милѣе [1]). Не имѣлъ князь Владиміръ Васильковичь своихъ дѣтей, взялъ онъ пріёмыша Изяславу и «миловалъ» ее какъ свою дочь родную. «Не далъ мнѣ Богъ за грѣхи мои,» говоритъ Владиміръ Васильковичь, «своихъ дѣтей имѣть, но для меня была Изяслава, какъ бы отъ своей княгини рождена; въ пеленкахъ взялъ я ее отъ матери и вскормилъ. Умирая, хлопочетъ Владиміръ Васильковичь обезпечить свою воспитанницу: «братъ мой Мстиславъ,» говоритъ онъ тому, кому оставляетъ свое княжество, «цѣлуй мнѣ крестъ на томъ, что ничего не возмешь отъ этаго дѣтища Изяславы, что не выдашь ее ни за кого неволей, но выдашь, какъ будетъ любо моей княгинѣ. «Господинъ и братъ,» отвѣчалъ ему Мстиславъ, «не дай мнѣ Богъ, что отнять у этаго дѣтища, но если Богъ приведетъ, дай мнѣ Богъ» выдать ее, какъ свою родимую дочь,» и на томъ цѣловалъ крестъ [2]). Дѣвушку не стѣсняли въ ея дѣйствіяхъ. Дочь Всеволода Ярославича Янка дѣвицей постриглась въ монашество, собрала много монахинь и жила вмѣстѣ съ ними по монастырскому уставу. Отецъ самъ построилъ ей церьковь. Въ 1089 г., Янка отправилась въ Грецію и оттуда привела митрополита Руси Іоанна [3]).—Евфро-

---

[1]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 202.
[2]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 214 и 216.
[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 89.

синія, княжну Полоцкую: еще до 12 лѣтъ стали учить грамотѣ и она училась прилѣжно, удивляя всѣхъ. Когда исполнилось ей 12 лѣтъ, отецъ и мать стали думать о выдачѣ ея замужъ, но Евфросинія, отвергнувъ замужество, постриглась въ монастырѣ, гдѣ ея тетка была игуменьей. Но она переселилась въ Полоцкъ въ соборной церкви Св. Софіи и жила тамъ въ «голубцѣ», занимаясь по найму переписываніемъ книгъ, — вырученныя деньги дѣлила съ нищими; такъ жила до той поры, пока не основала своего монастыря недалеко отъ Полоцка «на сельцѣ».—Къ Евфросиніи обращались многіе за совѣтомъ и всегда получали отъ ней такой, который имъ былъ полезенъ. Она сама учила грамотѣ сестру свою Гориславу и другихъ родственницъ. Сносилась съ императоромъ Византійскимъ Мануиломъ, съ патріархомъ Лукою, достала отъ нихъ икону Богоматери, писанную Еванг. Лукою.—Предъ смертію, сопутствуемая братомъ Давидомъ и сестрой Евпраксіей, Евфросинія посѣтила святую землю, гдѣ и скончалась [1]. Василиса, дочь Ивана Кіасовскаго изъ Твери, въ послѣдствіи жена князя Андрея Константиновича Суздальскаго, тоже, будучи еще отроковицей, изучила всю грамоту, узнала ветхій и новый завѣтъ [2]. Дочь дѣвица имѣла участіе во всѣхъ событіяхъ своей семьи. Когда Святополкъ по смерти Владиміра убилъ Бориса и сѣлъ въ Кіевѣ, Ярославъ, бывшій въ это время въ Нов-

[1]) *Житіе Св. Евфросиніи, изданія Св. Синода.* близъ Полоцка. (Степенная книга т. 1, стр. 200—202; Памятники литературы, изд. Костомаровымъ т. IV, стр. 172; Sobieszczański: Żywie Ewfrozy.)

[2]) *Лѣтопись по Никон. списку т. 4, стр. 70.*

городѣ, получаетъ вѣсть о Кіевскихъ событіяхъ отъ сестры своей Предславы: «отецъ нашъ умеръ, Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса и послалъ на Глѣба, блюдись его и ты повелику.»

Прежніе обычаи брака не измѣнились много при христіянствѣ; къ нимъ только прибавились христіянскіе обряды. Дѣло обыкновенно начиналось переговорами родителей или старшихъ родственниковъ, при этомъ бывало, что воля старшихъ была для дѣтей закономъ. Св. Борисъ, по словамъ Нестора, только исполняя волю отца, вступилъ въ бракъ, хотя противъ своего желанія [1]). Невѣста обыкновенно приводилась въ домъ жениха; лѣтописцы означаютъ это словами: «ведена бысть». Лица, назначаемыя къ веденію, назывались сватами и выбирались по большей части изъ родственниковъ или изъ людей почетнѣйшихъ. Вслѣдъ за невѣстой шло приданое; оно, какъ видно изъ описанія многихъ свадьбъ, состояло преимущественно въ драгоцѣнностяхъ. Были однакожъ примѣры, что вмѣстѣ съ рукою невѣсты женихъ получалъ въ приданое цѣлое княженіе. Такъ, когда по смерти князя Ярославскаго Василія Всеволодовича его единственною наслѣдницей осталась дочь, то она выйдя за князя Ѳеодора Ростиславича Смоленскаго, принесла ему съ собой Ярославское княженіе [2]). Какъ приданое, получила вѣроятно Рогнѣда, сестра Ростислава Мстиславича, село Зарубъ близъ Смоленска, въ которомъ скончался братъ ея [3]). Браки сопровождались праздне-

[1]) Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ изд. И. И. Срезневскимъ.
[2]) Лѣтоп. по Никон. списку ч. 3, стр. 62. П. С. Р. Л. т. 7, стр. 173.
[3]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 95.

ствами; къ нимъ съѣзжались родственники, знакомые. Отдаетъ князь Изяславъ Мстиславичь дочь свою въ Полоцкъ, за князя Рогволода Борисовича и князь Всеволодъ Ольговичъ Кіевскій приходитъ къ нему въ Переяславль на свадьбу, съ женою, со всѣми боярами и съ Кіевлянами [1]). «Свадьба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позваны», разсказываетъ лѣтописецъ о свадебной обстановкѣ князя Ѳеодора Ярославича [2]). Не проходили брачные пиры и безъ свадебныхъ пѣсней. Владиміръ Мономахъ проситъ Олега Святославича возвратить ему сноху, жену убитаго сына Изяслава, чтобы вмѣстѣ поплакать о мужѣ ея и замѣнитъ тѣмъ свадебныя пѣсни, такъ какъ Владиміръ не былъ на ея свадьбѣ: «да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсній мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя [3]). Весь обрядъ брака довольно подробно описанъ при свадьбѣ дочери Всеволода III Верхуславы съ княземъ Ростиславомъ Рюриковичемъ. Князь Рюрикъ, отецъ жениха, посылаетъ шурина своего князя Глѣба съ женою, тысяцкаго Славна съ женою и много другихъ бояръ съ ихъ женами, къ князю Всеволоду Юрьевичу въ Суздаль «по Верхуславу за Ростислава;» на Борисовъ день отдалъ князь Всеволодъ свою дочь Верхуславу и далъ по ней многое множество, безъ числа золота и серебра, ода-

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 135.
[2]) П. С. Р. Л. т. 3, стр. 49.
[3]) П. С, Р. Л. т. 1, стр. 106.

рилъ сватовъ великими дарами и отпустилъ ихъ съ великою честью; самъ провожалъ свою милую дочь до трехъ становъ, и плакали по ней отецъ и мать: была она мила имъ и еще очень молода, восьми лѣтъ; такъ съ многими дарами и съ великой любовью отпустилъ ее князь Всеволодъ въ Русь за князя Ростислава, вмѣстѣ съ нею отправилъ и сестричича своего Якова съ женою и другихъ бояръ съ женами. Придя въ Бѣлъгородъ, Верхуслава была обвѣнчена епископомъ Максимомъ. Сдѣлалъ Рюрикъ своему сыну Ростиславу, «велми силну свадбу», какой не бывало на Руси; было на свадьбѣ много князей, числомъ за двадцать. Рюрикъ далъ снохѣ своей много даровъ и городъ Брагинъ, свата же Якова и бояръ, щедро одаривъ, съ великою честью отпустилъ въ Суздаль къ Всеволоду [1]). По извѣстію Татищева, князь Юрій Всеволодовичь, когда возросъ племянникъ его Василько Константиновичь, которому онъ замѣнялъ отца, отправляетъ его съ боярами въ Смоленскъ, Черниговъ и къ другимъ князьямъ, подъ видомъ свиданья выбрать себѣ невѣсту, гдѣ полюбится. Василько Константиновичь избралъ Марію, дочь Михаила Всеволодовича Черниговскаго, шурина Юрьева и далъ знать о томъ дядѣ. «Хотя надлежало», продолжаетъ Татищевъ, «невѣсту привести къ жениху и быть вѣнчанью во Владимірѣ, однако князь Юрій, по усиленной просьбѣ шурина своего, соизволилъ быть вѣнчанью въ Черниговѣ и послалъ туда сына Всеволода, знатнѣйшихъ Ростов-

[1]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 136.

свихъ бояръ съ женами: такъ совершилось вѣнчанье въ Черниговѣ [1]). Этотъ случай, какъ видно изъ самого Татищева, былъ исключеніемъ изъ общаго обычая. Пиры свадебные длились долго, — пировали, когда отправляли невѣсту, пировали, когда невѣста приходила въ домъ жениха [2]). Татищевъ говоритъ, что князь Всеволодъ Юрьевичъ праздновалъ свадьбу сына своего Юрія съ дочерью Всеволода Святославича Чернаго 8 дней [3]). Обычай обезпеченія молодой жены со стороны семьи, куда она вступала, продолжалъ существовать. Такъ Рюрикъ Ростиславичъ опредѣляетъ своей невѣсткѣ Верхуславѣ городъ Брагинъ [4]). Всеволодъ Юрьевичъ даетъ своей невѣсткѣ городъ Юрьевъ [5]).

Покидая семью родительскую при выходѣ замужъ, дѣвушка однако не прерывала связи съ нею. Сестра Изяслава Мстиславича была за Всеволодомъ Ольговичемъ. Изяславъ, желая доставить Новгородъ Великій брату Святополку и нуждаясь для того въ согласіи Всеволода, пишетъ сестрѣ: «испроси у зятя Новгородъ Великій брату твоему Святополку». «Она же тако створи», заключаетъ лѣтописецъ [6]). Князь Ростиславъ Мстиславичъ, отправившись въ 1168 году изъ Кіева въ Новгородъ, для соглашенія Новгород-

---

[1]) Татищевъ: ч. 3, стр. 447.
[2]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 19. Татищевъ: ч. 3. стр. 371.
[3]) Татищевъ: ч. 3, стр. 371.
[4]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 136
[5]) Татищевъ: ч. 3, стр. 371.
[6]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 18.

цевъ съ сыномъ Святославомъ, больной воротился оттуда въ Смоленскъ. Тутъ встрѣтили его попеченія сестры Рогнѣды. Видя брата очень изнемогающимъ, она молила его не продолжать далѣе путь къ Кіеву, но остаться въ Смоленскѣ. Ростиславъ не согласился. Сильно больного повезли его къ Кіеву. Просьбы Рогнѣды вѣроятно заставили Ростислава остановиться въ селѣ ея Зарубѣ, гдѣ онъ и скончался [1]). Когда Марія, жена Всеволода 3, одна изъ лучшихъ женщинъ того времени, пострадавъ около 8 лѣтъ тяжкою болѣзнію и какъ бы предчувствуя близкую смерть, пожелала постричься въ монашество, то при этомъ присутствовала извѣстная уже намъ дочь ея Верхуслава, жена Ростислава Рюриковича, которая пріѣхала къ родителямъ, вѣроятно узнавъ, что болѣзнь матери усилилась. Ея страданія особенно терзали Верхуславу, она, по выраженію лѣтописца, не могла видѣть ихъ («и не мочи видѣти тугы») [2]). Бывали случаи, когда, по выходѣ замужъ, женщина, не ужившись съ мужемъ, возвращалась въ прежнюю семью свою. Такъ было съ Ольгой Юрьевной, дочерью Юрія Долгорукаго, женой Ярослава Галицкаго. Не любимая мужемъ, предпочитавшимъ ей простую женщину Настасью, часто принужденная бѣжать изъ Галича и скитаться съ сыномъ по чужимъ землямъ, снова опять возвращаемая насильно къ мужу Галицкими боярами, которые видѣли въ защитѣ ея супружескихъ правъ

[1]) П. С. Л. т. 2, стр. 94.
[2]) П. С. Л. т. 1, стр. 178.

предлогъ борьбы съ княземъ, она наконецъ, послѣ такой не веселой супружеской жизни, достигла до своей родной семьи, гдѣ была принята и обласкана братомъ Всеволодомъ. Въ 1179 году она крестила дочь его Сбыславу, а въ 1181 году умерла въ монастырѣ, куда постриглась, принявъ имя Евфросиньи; ее похоронили въ соборной Владимірской церкви св. Богородицы [1]). Размножившіеся князья Рюрикова дома, сталкиваясь постоянно въ своихъ разнородныхъ стремленіяхъ, видѣли въ женщинѣ связывающее звѣно, примирительницу враждебныхъ сторонъ. Потому часто встрѣчаемъ, что князья, заключая между собою миръ, укрѣпляютъ его бракомъ дѣтей своихъ. При этомъ случалось, что бракъ происходилъ въ раннемъ возрастѣ жениха и невѣсты [2]). У Ростислава Мстиславича Смоленскаго была дочь за Олегомъ Святославичемъ Сѣверскимъ. Идя изъ Кіева, въ 1168 году, въ Новгородъ, Ростиславъ заѣхалъ въ Чичерьскъ, гдѣ ожидалъ его зять Олегъ съ женою. По пріѣздѣ тестя, Олегъ позвалъ его на обѣдъ «и была

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 108, 121, 125. По Академическому списку Русской правды, месть за убитаго, если не было у него ближайшихъ родственниковъ мужской линіи, переходила къ дѣтямъ сестры его: Оубьеть моужь моужа, то мьстить братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо сестриноу сынови. (Калачева изд., № 1, стр. 1.). Съ отмѣной мести личной, денежное вознагражденіе за убитаго шло вѣроятно такимъ же образомъ.

[2]) Верхуслава Всеволодовна была отдана 8 лѣтъ за Ростислава Рюриковича, который имѣлъ тогда (въ 1187 г.) тоже не болѣе 14 лѣтъ;—онъ родился въ 1173 году. Святославъ Игоревичь десяти лѣтъ былъ женатъ на дочери Рюрика Ростиславича, такъ какъ родился въ 1177 г., а женился въ 1187. Константинъ Всеволодовичь былъ жененъ отцемъ 10 лѣтъ и много другихъ подобныхъ случаевъ.

радость великая между ними въ тотъ день», говоритъ лѣтописецъ. Ростиславъ получилъ при этомъ отъ зятя и отъ дочери много подарковъ. На слѣдующій день онъ, въ свою очередь, пригласилъ къ себѣ Олега и дочь, одаривъ ихъ еще больше, продолжалъ путь [1]). Не забудемъ, что Ростиславъ и Олегъ были князья двухъ домовъ, постоянно враждовавшихъ между собою: Мономаховичей и Ольговичей. Съ другой стороны, князь, прекращая дружбу съ семьей жены своей, разрывалъ связь и съ ней самой. Ярославъ Святополчичь, приготовляясь къ разрыву съ Владиміромъ Мономахомъ, намѣренъ развестись и съ женой своей, внукой Владиміра, что дѣйствительно и сдѣлалъ; Владиміръ же отнялъ у него область [2]). Романъ Мстиславичь Волынскій, готовясь къ брани съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, намѣренъ былъ отпустить жену свою, дочь Рюрика, хотя постричь ее: «поча пущати дщерь Рюрикову, хотяшеть ю постричи» [3]).

Молодая жена, входя въ семью мужа, становилась въ почтительное отношеніе къ старшимъ членамъ этой семьи и при нихъ не могла имѣть самостоятельнаго значенія. Церковный уставъ Владиміра указываетъ на неуваженіе снохи къ свекрови, какъ на проступокъ, подлежащій суду духовному [4]). Старшіе члены мужней семьи принимали подъ свое покровительство молодую.

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 94.

[2]) Татищевъ: ч. 2, стр. 219, 221.

[3]) П. С. Р. Л. т I, стр. 174. Никон. лѣт. ч. 2, стр. 267. Татищ.: ч. 3, стр. 325, 336.

[4]) «Или снъха (бьеть) свекровь». (Дополн. къ Акт. Историч. т. I, № 1).

Они часто замѣняли даже ея материнскія обязанности, когда она по молодости не могла сама исполнять ихъ. Такъ, когда, упомянутая выше Верхуслава Всеволодовна, выйдя замужъ 8-ми лѣтъ, на 18 году сдѣлалась матерью, то дочь ея Изморагдъ берется на воспитаніе свекромъ и свекровью, т. е. Рюрикомъ Ростиславичемъ, въ это время княземъ Кіевскимъ и его женою: «и тако воспитана бысть въ Кіевѣ на горахъ», говоритъ лѣтописецъ [1]). Владиміръ Мономахъ считаетъ своею обязанностію успокоить сноху свою по смерти мужа ея Изяслава Владиміровича. «Бога ради», пишетъ Владиміръ Олегу, «пусти ко мнѣ сноху мою не медля, съ перваго слова, чтобы я успокоилъ ее и она бы сѣла, жалѣючи, какъ горлица на сухомъ деревѣ, а я утѣшусь въ Богѣ» (да не съ нею кончавъ слезы посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ, желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ) [2]). Главой женской половины семьи была свекровь, мать мужей, ее окружали снохи. Татары въ 1237 году осадили Владиміръ. Князя Юрія тамъ не было; въ городѣ оставалась только семья его, и вотъ, когда Татары уже проникнули въ самый городъ, жена Юрьева, собравъ къ себѣ дочь, снохъ, внучатъ, занерлась съ ними въ церкви св. Богородицы и тамъ всѣ сгорѣли [3]). При существованіи старшихъ членовъ въ семьѣ, общесемейное имущество находилось по преимуществу въ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 152.
[2]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 106.
[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 197.

ихъ зависимости. Видимъ изъ судной Псковской грамоты, что, по смерти въ семьѣ сына, оставшаяся послѣ его невѣстка, обращается къ свекру или къ деверю за своимъ платьемъ, украшеніями и свекоръ или деверь должны удовлетворить ея просьбу [1]). Съ другой стороны, зять становился также въ сыновнія отношенія къ тестю, послѣдній, обращаясь къ нему, обыкновенно называлъ: «сыну». Ростиславъ Рюриковичь, женатый, какъ мы видѣли на Верхуславѣ, дочери Всеволода 3, одержавъ въ 1193 году славную побѣду надъ Половцами, отпросился у своего отца въ гости къ дядѣ Давыду въ Смоленскъ, услыхавъ это, Всеволодъ позвалъ зятя къ себѣ и Ростиславъ отправился «ко цтю своему», гостилъ у него съ женою цѣлую зиму и много почтенный тестемъ, съ большими подарками воротился домой [2]). Мстиславъ Мстиславичь Удалой, защищая въ 1215 году Новгородъ отъ зятя своего Ярослава Всеволодовича, пробуетъ склонить его къ миру сперва своимъ отеческимъ вліяніемъ: «сыну, кланяюсь тебѣ, мужей моихъ и гостей пусти, съ Торжка прочь пойди, а со мною любовь возьми». Ярославъ не внимаетъ увѣщаніямъ. Когда начавшаяся за тѣмъ война кончилась неудачно для Ярослава, онъ, потерпя вмѣстѣ съ братомъ Юріемъ пораженіе, бѣжалъ въ Переяславль, то Мстиславъ, подойдя къ городу и не входя въ него, вызвалъ дочь свою, жену Ярослава. Сколько ни просилъ Ярославъ о возвратѣ жены, Мстиславъ не согласился: «Ярославъ же многажды

[1]) Псковская судная грамота изд. Мурзакевича. Одесса.
[2]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 143.

высылася съ молбою къ Мьстиславу, прося княгини своея къ собѣ, глаголя: ци не бываеть поточь княземъ? то ни сяка есть; по правдѣ мя крестъ убилъ» [1]). Не хотѣлъ ли Мстиславъ, беря свою дочь отъ Ярослава, какъ бы прервать съ нимъ родственныя отношенія, такъ какъ онъ не уважилъ его отеческихъ правъ.

Когда сынъ выходилъ изъ отцовской семьи, онъ уже самъ становился полнымъ хозяиномъ своего дома, а вмѣстѣ съ нимъ и жена его. Тотъ Ростиславъ Рюриковичь, который, при свадьбѣ своей на Верхуславѣ Всеволодовнѣ, находился въ полной опекѣ отца своего, жилъ въ его домѣ, потомъ, возмужавъ, получаетъ въ удѣлъ Бѣлгородъ и мы тамъ его видимъ въ 1195 году независимымъ хозяиномъ: зоветъ онъ къ себѣ на обѣдъ въ Бѣлгородъ своего дядю Давыда и послѣ большого веселья отпускаетъ его съ подарками [2]).

Воспитанная въ общемъ кругу родной семьи, одинаково согрѣтая любовью отца и матери, русская женщина этого времени, являясь женою, стоитъ нравственно на одномъ уровнѣ съ мужемъ. Въ этомъ лежитъ объясненіе тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ между ними. Подружье — названье жены въ книжномъ языкѣ [3]), ладой зоветъ жена мужа въ языкѣ народномъ [4]). Равна жена

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 3, стр. 35; т. 4, стр. 26.

[2]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 144.

[3]) Ѳеодосій приходитъ «къ Яневи и къ подружью его Марьи». (П. С. Р. Л. т. 1 стр. 91). См. также запись на Остромировомъ Евангеліи и другія записи (Изв. 2. Отд. Ак. Наукъ т. X, стр. 419, 333, 109).

[4]) См. ниже: женщина былины. Также въ Словѣ о полку Игоревѣ: Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити ни очима съглядати (Дубенск. 100).

мужу въ законѣ: «кто убьеть жену, — тотъ же судъ, какъ за мужа» [1]). «Любите жену свою», учитъ дѣтей хорошій отецъ [2]). Жена стоитъ рядомъ съ мужемъ, живетъ съ нимъ одною жизнію, раздѣляя радость и горе, сопутствуя ему всюду, участвуя въ самыхъ сокровенныхъ его думахъ. Мужъ видитъ въ ней лучшаго друга, спутника жизни, повѣряетъ ей все.

Мы видѣли Ольгу Романовну, дочь князя Брянскаго, пріобрѣвшую предъ своими сестрами особенную любовь отца, посмотримъ ее женою. Личность мужа ея Владимира Васильковича подробно изображена лѣтописцемъ. Глубоко проникнутый началами христіянства, незлобивый, кроткій, правдивый, Владиміръ Васильковичь отличается любовью ко всѣмъ, особенно къ братьямъ, твердостью въ сохраненіи крестнаго цѣлованья, особенной щедростью въ милостынѣ нищимъ, особеннымъ усердіемъ въ украшеніи и постройкѣ храмовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ много начитанъ и умѣлъ ясно передать то, что читалъ: «глаголаше ясно отъ книгъ зане бысть философъ великъ.... бысть книжникъ великъ и философъ, акого же не бысть по всей земли и ни по немъ не будеть,» говоритъ о немъ лѣтописецъ. Отцемъ былъ для подданныхъ. «Добро-бы ны, господине, съ тобою умрети, створшему толикую свободу, яко же и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшеть отъ всихъ обидъ;... уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всѣмъ остахомъ.» Такъ плакали по немъ всѣ Владимірцы: му-

[1]) Русская Правда по синод. списку. (Русск. Достоп. т. 1).
[2]) Поученіе Владиміра Мономаха. (П. С. Р. Л. т. 1, 100).

жи, жены, дѣти [1]). При такомъ мужѣ лучше обозначилась и жена.—Вмѣстѣ поручаютъ они списывать книги [2]). Пріѣзжаетъ къ Владиміру Польскій посолъ Яртакъ изъ Люблина; больной Владиміръ не допускаетъ его къ себѣ, а говоритъ женѣ: «иди, разспроси его: за чѣмъ пріѣхалъ?» Ольга велѣла привесть посла и стала его разспрашивать: «скажи за чѣмъ ты пріѣхалъ, князь хочетъ знать?» И потомъ, она передаетъ мужу рѣчь посла. Когда пріѣзжаетъ князь Мазовецкій Кондратъ, Владиміръ опять говоритъ женѣ: «поди переговори съ нимъ, да отпусти его, пусть ѣдетъ прочь, у меня ему нечего дѣлать». Княгиня говоритъ съ Кондратомъ и передаетъ мужу его просьбы [3]). Только сильная немощь можетъ остановить Ольгу, чтобы не проводить мужа, если онъ ѣдетъ куда либо [4]). Владиміръ Васильковичь 4 года былъ тяжко боленъ: у него гнила нижняя челюсть; сперва болѣзнь была слаба, потомъ усилилась, и въ послѣднее время жизни страданія стали особенно сильны: «жалостно зрѣти на нь, видячи его болна суща,» говоритъ лѣтописецъ современникъ. Къ тому безпокоили Владиміра и Татары, которые

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 220.

[2]) Въ одномъ изъ позднихъ списковъ Кормчей, хранящемся въ Румянц. Музеумѣ, сохранилась такая запись: Въ лѣто 1286, списанъ бысть сии номоканонъ боголюбивымъ княземъ Владимиромъ сыномъ Васильковымъ и боголюбивою княгинею Ольгою Романовною..... (Опис. Рум. муз. стр. 297; Изв. 2 отд. Ак. Наукъ т. X, стр. 222).

[3]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 217.

[4]) Продолженіе, приведенной выше записи на Кормчей: Пишущимъ намъ сия книгы поѣхалъ господь нашь къ Ногоеви, а госпожа наша оста во Владимери, зане бяше немощи и угонила люта зѣло, того ради немощьно бысть ей проводити его. (Изв. 2 отд. Ак. Наукъ т. X, стр. 222).

ходили въ это время по землѣ его. Ища себѣ покоя, переходя изъ города въ городъ, волнуемый малѣйшей непріятностью, Владиміръ всюду видитъ предъ собой свою неусыпную супругу; къ ней обращается при всякомъ случаѣ. Говоритъ княгинѣ своей и боярамъ: «хотѣлъ бы ѣхать къ Любомлю, досадила мнѣ эта погань Татары, я человѣкъ больной и съ ними не могу сносится.» И поѣхалъ въ Любомль съ княгиней. Изъ Любомля Владиміръ однако выѣхалъ въ Берестье и пробывъ тамъ 2 дня, прибылъ въ Каменецъ. Лежа тамъ въ болѣзни, говоритъ княгинѣ своей и слугамъ: «какъ только минетъ эта погань, воротимся въ Любомль. Потомъ выѣхалъ изъ Каменца въ Рай и тамъ сталъ говорить княгинѣ своей: «хочу послать за братомъ Мстиславомъ—учинить съ нимъ рядъ о землѣ, городахъ, о тебѣ моя милая Ольга и объ этомъ дитѣ Изяславѣ, которую я любилъ какъ свою родную дочь. «Когда пріѣхалъ Мстиславъ, Владиміръ говоритъ ему: «братъ мой, я призвалъ тебя за тѣмъ, чтобы установить съ тобой рядъ о землѣ, городахъ, о княгинѣ своей и объ этомъ дитяти. Обезпечивъ жену имѣніемъ, давъ ей городъ Кобринъ и села, Владиміръ не хочетъ стѣснить свободы ея послѣ своей смерти: «а захочетъ княгиня моя,» пишетъ онъ въ своемъ завѣщаньи, «въ черницы пойти или не захочетъ, какъ ей будетъ любо; мнѣ не смотрѣть вставши, кто что будетъ дѣлать послѣ меня». Написавъ завѣщаніе, Владиміръ заставляетъ Мстислава цѣловать крестъ: «братъ Мстиславъ, цѣлуй крестъ въ томъ, что ничего не возьмешь послѣ меня отъ кня-

гини моей изъ того, что я далъ ей». «Господинъ и братъ,» отвѣчаетъ ему Мстиславъ, «не дай мнѣ Богъ, что отнять послѣ тебя у твоей княгини, но дай мнѣ Богъ имѣть и чтить ее, какъ достойную себѣ мать» [1]).

Дорога за то княгинѣ Ольгѣ память умершаго мужа: «вижь и благовѣрную свою княгиню,» обращается лѣтописецъ къ покойному князю, «како благовѣрье держитъ по преданію твоему, како поклоняется имени твоему.» Сама вмѣстѣ съ слугами омываетъ княгиня тѣло умершаго мужа, одѣваетъ его въ оксамитъ съ кружевами, часто приходитъ плакать къ гробу его: «не можаше ся втолити,» объясняетъ лѣтописецъ. Царю мой благый, кроткый, смиреный, правдивый!» причитаетъ она, «воистину наречено бысть тобѣ имя во крещеньи Иванъ, всею добродѣтелью подобенъ есь ему: многыа досады пріимъ отъ своихъ сродникъ, не видѣхъ тя, господине мой, николи же противу ихъ злу ни которого же зла воздающа, но на Бозѣ вся покладывая провожаше» [2]). Еще семейную картину древней Руси встрѣчаемъ мы, при смерти князя Святослава Всеволодовича Кіевскаго. Все болѣе и болѣе ослабѣвая силами и уже едва двигая языкомъ, Святославъ обращается къ стоящей близь его женѣ съ вопросомъ: «а когда будутъ у насъ Маковѣи?» «Въ понедѣльникъ,» отвѣчаетъ жена. О не дождаться мнѣ ихъ! продолжаетъ князь. Княгиня полагая, что мужъ ея видѣлъ во снѣ какое нибудь видѣніе, начала его разспра-

[1]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 214—216.
[2]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 220—222.

шивать, но онъ на ея вопросы отвѣчалъ только: «азъ вѣрую во единого Бога» и потомъ скончался [1]). Лежитъ на смертномъ одрѣ князь Мстиславъ Ростиславичь Храбрый; его окружаютъ жена и дружина и вотъ онъ, «възрѣвъ на дружину свою и на княгиню, и воздохну изъ глубины сердца своего, и прослѣзився [2]). Видя въ женѣ ближайшаго друга, мужъ открывалъ только ей свои задушевныя мысли; у ней прежде всего искалъ онъ часто совѣта. Знала жена нравъ своего мужа, зналъ и онъ всѣ «свычаи и обычаи» своей милой жены [3]). Святославъ Всеволодовичь, князь въ Кіевѣ, ок. 1180 года, мыслилъ зло противъ князей Ростиславичей; они мѣшали его усиленію въ Русской землѣ; при нихъ не могъ онъ мстить свою обиду Всеволоду Суздальскому. И вотъ, когда Давыдъ Ростиславичь охотился по Днѣпру на лодкахъ, а Святославъ былъ противъ него на Черниговской сторонѣ, онъ подумалъ только съ княгиней, да съ любимцемъ Кочкаремъ, и вдругъ ударилъ на Давыда, желая схватить его, но тотъ успѣлъ сѣсть съ женою въ лодку и скрыться [4]). Заболѣлъ князь Борисъ Васильковичъ Ростовскій и хочетъ постричься, его унимаетъ жена Марія, надѣясь, что онъ еще будетъ здоровъ [5]). Долго былъ болѣнъ въ Черниговѣ епископъ и долго не было епископской службы;

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 143.

[2]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 120.

[3]) Слово о полку Игоревѣ: Князь Всеволодъ забылъ «своя милыя хоти Глѣбовны свычая и обычая». (Дубенск. изд., стр. 68).

[4]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 122.

[5]) Лѣт. по Никон. сп. ч. 3, стр. 63.

скучали безъ ней князь и княгиня и были оба очень рады, когда явился наконецъ новый епископъ [1]). Дочь древолазца, вѣщая Февронія, ставъ княгиней, является образцомъ христіянской жены. Ея вліяніе на мужа замѣтно; этимъ недовольны Муромскіе бояре; они тутъ видятъ ослабленіе своей власти и хотятъ удалить Февронію отъ мужа. Сперва они клевещутъ на нее, потомъ обвиняютъ, что «государствуетъ» надъ ихъ женами и наконецъ достигаютъ цѣли : Февронія удаляется изъ Мурома, но не одна, а съ мужемъ. Князь горюетъ о потерѣ власти, Февронія его ободряетъ: «не скорби, княже, Богъ творецъ и промыслникъ всему: не оставитъ насъ въ нищетѣ быти.» Ихъ возвратили опять и они по прежнему продолжали вмѣстѣ править, вмѣстѣ пещись о своемъ народѣ, «ако чадолюбивіи отець и мати» [2]). Общія думы мужа и жены дѣйствительно часто выражались въ ихъ общемъ дѣйствіи. Сообща приносили мужъ и жена свой даръ въ пользу церкви. Вмѣстѣ съ женою Анною издаетъ Владиміръ Св. свой уставъ о церковныхъ судахъ. Благословляетъ, списавшій евангеліе, тѣхъ, кто далъ ему этотъ трудъ: посадника Остромира и подружье его Ѳеофанію [3]). Всей семьей своей отпраздновалъ князь Рюрикъ Ростиславичь свое законченное дѣло : постройку стѣны въ монастырѣ Выдубицкомъ [4]). Вмѣстѣ съ женой Маріей

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 3.

[2]) Памятники старинной Русск. Литературы изд. Костомаровымъ: 1, 27.

[3]) Запись Остромирова Евангелія. (Извѣстія 2 Отд. Ак. Наукъ т. X, стр. 419).

[4]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 153.

задумалъ Новгородецъ Афанасій Степановичъ разрисовать храмъ Св. Спаса, въ Ковалевѣ монастырѣ [1]). Сообща съ женой, совершаетъ мужъ свои купли, отдачи, продажи «Се купи Василей Филимоновичь и Евсѣй Онаньинъ, у Ѳедоры у Григорьевы дочери и у еи мужа у Ѳедора у Ѳедоровича, село земли на Ижьмѣ, Фофановьское, отчину ея» и т. д., пишется въ одной Новгородской купчей, XIV вѣка [2]). По древнѣйшему праву Чеховъ, жена въ своемъ лицѣ представляла семейство, составляла домъ, и мужъ юридически считался дома только тогда, когда онъ находился подлѣ своей жены. Если возникала тяжба и отвѣтчикъ былъ женатъ, то вызовъ его къ суду совершался только въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась жена [3]). По древнему же праву Чеховъ, если убійцу находили подлѣ его законной жены и она обниметъ его или прикроетъ своею одеждою, то мститель долженъ остановить свою месть и оставить убійцу въ покоѣ [4]). По законнику Сербовъ, вызовъ къ суду совершался тоже въ домѣ, гдѣ была семья отвѣтчика и если самъ онъ не случился дома, то женѣ его поручалось дать знать мужу о явкѣ къ суду [5]). Жена была неразлучная спутница мужа въ горѣ и радости. Шелъ мужъ на войну, она провожала его. Когда пошелъ на Половцевъ князь Игорь Сѣверскій, жена его Ярославна переѣхала въ Путивль, городъ у самой сте-

[1]) Изв. 2-го отд. Ак. Наукъ т. VI, стр. 381.

[2]) Акты Юридическіе т. 1, № 71, X.

[3]) Kniha starého pàna z Rosenberka, 1312—1346, II. (Archiv Česky 1, 452).

[4]) Řad prâva zemského. (Archiv Česky т. 2.).

[5]) Законникъ Стефана Душана. (Шафарикъ: Pamàtky Dr. Pis. Jihosl., стр. 38).

пи; тамъ ей было лучше ждать вѣстей о мужѣ. Выходила она по утрамъ на городскую стѣну, чтобы плакать и молиться о немъ [1]). Ольга Романовна только за болѣзней не могла проводить мужа, когда онъ ѣхалъ къ Татарамъ [2]). Вмѣстѣ съ мужемъ шла жена въ ссылку. Князь Мстиславъ Владиміровичь въ 1129 г. сослалъ князей Полоцкихъ въ Грецію, съ женами ихъ и дѣтьми [3]). Новгородцы, разсердившись на Святослава Ростиславича, его самого заперли въ избѣ, а жену послали въ монастырь. Святославъ хлопоталъ больше освободить жену чѣмъ себя: «если я оставлю княгиню, то понесу большую горесть и стыдъ», говорилъ онъ по словамъ Татищева [4]). Князь Владиміръ Мстиславичь пришелъ въ 1169 году къ Берендѣямъ, полагаясь на союзъ ихъ съ нимъ противъ Мстислава 2-го, но былъ ими принятъ враждебно, потерялъ дружину, чуть не потерялъ жизни и побѣжалъ отъ нихъ къ Дорогобужу: «ту же бѣ и жена его бѣжала предъ нимъ», прибавляетъ лѣтописецъ [5]). Въ усобицахъ Новгородскихъ гоненіе на мужа распространялось и на жену. Такъ, въ 1215 году Новгородцы, въ гнѣвѣ на тысяцкаго Якуна, пошли съ вѣча на домъ его и не найдя самого, взяли жену его [6]). Тоскуютъ жены въ отсутствіе мужей: «уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни

---

[1]) Слово о полку Игоревѣ (изд. Дубенскаго).
[2]) См. выше: запись на Кормчей.
[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 131; т. 2, стр. 12.
[4]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 88. Татищевъ: ч. 3, стр. 126.
[5]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 97.
[6]) П. С. Р. Л. т. 3, стр. 33.

мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати» [1]). Ярославна горюетъ въ Путивлѣ: «полечу кукушкой и омочивъ бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, утру князю кровавыя раны на его мужественномъ тѣлѣ» [2]). Да и мужья въ походѣ не забываютъ женъ. Галичане, увидѣвъ, что непріятель обходитъ имъ въ тылъ, встревожились: «мы здѣсь будемъ стоять, а тамъ женъ нашихъ возьмутъ» [3]). Тоже было и со Псковичами въ войнѣ ихъ съ Нѣмцами [4]). Гдѣ бы ни былъ мужъ мысль объ женѣ не покидаетъ его. Князь Михаилъ Черниговскій твердо рѣшился умереть, не измѣнивъ вѣрѣ своей, не поклонясь Татарскому хану; но есть у него одна слабость, только она можетъ поколебать его рѣшимость, это—любовь жены и ласки дѣтей. Только любовь жены и ласки дѣтей могутъ воротить Михаила къ жизни. Эту-то слабую сторону своего князя и старается укрѣпить бояринъ его Ѳеодоръ [5]). Идя рядомъ въ жизни земной, мужъ и жена хотѣли быть рядомъ и въ жизни загробной. Муромскіе Петръ и Февронія просили Бога,—умереть въ одинъ часъ и сговорились лечь въ одномъ гробѣ. Въ одно время постриглись они въ монашество. Февронія работала воздухи въ церьковъ, когда ея мужъ прислалъ сказать ей, что онъ ужъ отходитъ; Февронія проситъ его подождать, пока кончитъ воздухи; когда онъ присылаетъ въ другой, въ

---

[1]) Сл. о. п. Иг. (Дубенск., стр. 100).
[2]) Тамъ же.
[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 135.
[4]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 208.
[5]) П. С. Р. Л. т. 5 стр. 184.

третій разъ, — Февронія воткнула иглу въ воздухи, немного недошивъ и послала увѣдомить мужа «о преставленіи купномъ». Тѣла Петра и Февроніи являлись постоянно въ одномъ гробѣ, какъ не разлучали ихъ бояре и наконецъ были оставлены [1]). «Преставился рабъ Божій Кириллъ, на память Св. Сергія, а въ девятый день, жена его преставилась Оксинья. Господи, помоги рабу своему Кириллу и Оксиньи», — гласитъ одна надпись, 1279 года, нарѣзанная на столбѣ Спасо-Нередицкой церкви близь Новгорода [2]).

Жена была не стѣснена въ своей жизни, могла дѣйствовать свободно. Извѣстная уже намъ дочь Всеволода 3-го, жена Ростислава Рюриковича, Верхуслава, ведетъ переписку съ Владимірскимъ епископомъ Симономъ, принимаетъ большое участіе въ монахѣ Печерскаго монастыря Поликарпѣ, хлопочетъ сдѣлать его гдѣ либо епископомъ и готова жертвовать къ тому значительной суммой. «Ради тебя и Поликарпа», пишетъ Верхуслава Симону, «я готова истратить хотя бы до тысячи серебра» [3]). Жена могла имѣть свою собственную землю, села. «А цѣловать боярину и житьему и купцу, какъ за свою землю, такъ и за женню», говоритъ Новгородская судная грамота [4]). Мы видѣли, что, при выходѣ замужъ, княгини получали отъ тестя цѣ-

---

[1]) Житіе Февроніи и Петра Муромскихъ (Памятн. Лит. изд. Костомаровымъ т. 1; также у Буслаева: Историч. Оч. Русск. нар. слов. т. 1, 293).

[2]) Извѣстія Акад. Н. по 2 отд.: т. VI, стр. 379; т. X, стр. 626.

[3]) Памятники Русск. Слов. XII вѣка, изд. Калайдовича.

[4]) Акты Археографич. Экспедиціи т. 1, № 92.

лые города въ обезпеченіе [1]). Жена независимо отъ мужа могла имѣть свою казну. При взятіи города Изяславля, въ походѣ Мстислава на Кривичей, всѣ жители были разграблены, едва успѣли только сохранить имѣніе княгини Мстиславны [2]). Договоромъ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригой было выговорено, чтобы всякій купецъ иноземецъ, приходя къ Смоленску съ торгомъ, приносилъ княгинѣ поставъ частины [3]). Владѣя особымъ отъ мужа имѣніемъ, жена могла и распоряжаться имъ по своему желанію. Марія, жена Всеволода 3-го, покупаетъ во Владимірѣ мѣсто и строитъ тамъ Успенскій монастырь, который сталъ зваться: Княгининъ [4]). Жена в. князя Симеона Ивановича, Анастасія, наняла на свой счетъ мастеровъ, росписать церковь въ монастырѣ Св. Спаса, въ Москвѣ. И «подписаша въ монастыри и церковь Святаго Спаса велѣніемъ і казною великия княгини Анастасіи Семеновы Ивановича» [5]). Княгиня Марина поручаетъ писцу Захаріи списать ей Псалтырь, съ покаянными и съ молитвами [6]). Марія, жена Всеволода 3-го и Анна, жена Рюрика Ростиславича, по отзыву о нихъ лѣтописцевъ, были нищелю-

---

[1]) См. выше: бракъ Верхуславы Всеволодовны, женидьбу Юрія Всеволодовича и др.

[2]) «Одва Мстиславны товаръ ублюдоша и то съ нужею бючеся». (П. С. Р. Л. т. 1, стр. 131; т. 2 стр. 11).

[3]) Собраніе Государств. Грам. и Договоровъ т. 2, № 1.

[4]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 175. Статья Тихонравова: Княгининъ Успенскій монастырь. (Архивъ Калачева 1859 г., кн. 4).

[5]) Лѣтоп. по Никон. сп. ч. 3, стр. 181.

[6]) Изв. 2-го Отд. Ак. Н., т. X, 227: повелѣ собѣ боголюбивая княгыни Марина списати книгі сия Псалтырю съ покаяньны и с молитвами.

бицы, страннолюбицы; всѣхъ, обращавшихся къ нимъ, печальныхъ, больныхъ, обидимыхъ, утѣшали, защищали, снабжали необходимымъ; пеклись о церковныхъ нуждахъ [1]). Анна, по словамъ Татищева, занималась рукодѣльемъ: шила золотомъ, серебромъ, для себя, для дѣтей своихъ, а всего болѣе для Выдубицкаго монастыря [2]). Февронья Муромская работаетъ воздухи въ соборный храмъ Св. Богородицы, вышиваетъ на нихъ лики Святыхъ [3]). Если жена хотѣла оставить свѣтъ и поступить въ монастырь, мужъ не препятствовалъ. Такъ отпустилъ свою жену Святославъ Всеволодовичь, хорошо надѣливъ ее; она пошла къ братьямъ въ Муромъ и тамъ постриглась [4]).

При правѣ владѣть имуществомъ, располагать имъ по своей волѣ, жена считалась въ законѣ лицемъ юридически самостоятельнымъ, могла дѣйствовать сама въ судѣ. Ей при этомъ дѣлалось нѣкоторое снисхожденіе: она могла поручить свое дѣло повѣренному; могла, въ случаѣ судебнаго поединка, поставить на мѣсто себя наемника. Если же истецъ и отвѣтчикъ были оба жены, онѣ подвергались тоже судебному поединку: «жонки съ жонкою присужати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону» [5]). Новгородская лѣтопись представляетъ одинъ чрезвычайно любопытный случай, когда жена является сама на вѣче мстить свою обиду. Въ 1418 году, въ Новгородѣ

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 178; т. 2, стр. 153.
[2]) Татищевъ: ч. 3, стр. 329.
[3]) Житіе Февроніи, см. выше.
[4]) П. С. Р. Л. т. 1, 191.
[5]) Псковская судная грамота; см. также Акты Арх. Эксп. т. 1, № 103.

произошла смута: какой-то Степанко схватилъ боярина Данилу Ивановича и сталъ кричать народу: «о друзи! пособьствуйте мнѣ на злодѣа сего». Народъ кинулся на Данилу, поволокъ его къ толпѣ, собравшейся на вѣчѣ и сталъ бить. «Бяше же и се дивно», продолжаетъ лѣтописецъ, «или на укореніе богатымъ, обидящимъ убогіа, или казнь діавола: жена нѣкая, отвергши женскую немощь, вземши мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища, дасть ему раны, укоряющи его, яко неистова глаголющи: яко обидима есми имъ» [1]).

Польское право, допуская женщину къ суду, продолжаетъ для жены срокъ подачи иска на 10 лѣтъ, тогда какъ для мужа онъ былъ только 3 года [2]). Древнее законодательство Чеховъ даетъ также женѣ полное право вести судъ: «каждая пани при жизни мужа, съ каждымъ, кто провинится предъ нею, можетъ вести тяжбу о наслѣдственномъ вѣнѣ, объ убійствѣ родственника, объ увѣчьѣ и кровавыхъ ранахъ, но за денежные убытки она никого въ судъ позвать не можетъ. Если же она имѣетъ свое отдѣльное, недвижимое имущество, которое никому не записала и которымъ она владѣетъ сама, то каждый, кому она задолжаетъ, можетъ начать съ нею тяжбу объ этомъ имуществѣ. Чешское право, допуская вдову и дѣвицу къ судебному поединку, освобождало отъ него жену: замужняя жена, если звала кого нибудь въ судъ за убійство, то отвѣтчикъ долженъ

[1]) П. С. Р. Л. т. 3, стр. 136.

[2]) Вислицкій Статутъ. (А. З. Р. т. 1, № 2; Jus Polonicum Bandtkie).

былъ доказывать свою невинность, присягая самъ седьмой, а не иначе [1]).

Личность полноправная, жена разсматривалась закономъ не только какъ равная мужу, но имѣла, по отношенію къ себѣ, даже нѣкоторыя преимущества. Законодательство свѣтское и духовное заботливо старалось оградить жену отъ обиды и насилія и за преступленія этаго рода налагало чрезвычайно высокія нени. Общее законодательство древней Руси, раздѣлившись на вѣдомство суда свѣтскаго и вѣдомство суда духовнаго, отнесло дѣла объ оскорбленіи жены къ послѣднему. Русская Правда, по древнѣйшимъ своимъ спискамъ, не имѣетъ ни одной статьи объ обидѣ женщины. Только въ двухъ спискахъ позднѣйшихъ, встрѣчаемъ статью о безчестіи женщины [2]). Церковный Уставъ Ярослава, памятникъ суда духовнаго, обращая большую часть статей своихъ на обиду женщины, старается по возможности точнѣе опредѣлить всѣ случаи, гдѣ личность ея можетъ быть затронута. Вотъ нѣкоторые: Аже кто умчить (уведетъ или похититъ) дѣвку или насилить, аже Боярская дчи (дочь) за соромъ (срамъ) ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5-ть гривенъ золота, а меньшихъ Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота. Добрыхъ людей за соромъ 5 гривенъ серебра, а на умычницѣхъ (съ похитителей) по

[1]) Řád prava zemského (Archiv Český 2, стр. 96, 116, 117, 118).

[2]) «А за безчестную гривну золота, аже будеть баба была въ золотѣ и мати, взяти ему 50 гривенъ за гривну золота; аже будеть баба была въ золотѣ, а по матери ему не взяти золота, взяти гривна серебра, а за гривну серебра полъ-осмы гривны кунъ. (Изслѣд. Калачева стр. 148).

гривнѣ серебра Епископу; а Князь казнить. Аже кто пошибаеть (ударитъ) Боярскую дщерь или Боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а меньшихъ Бояръ гривна золота, а Епископу гривна золота; а нарочитыхъ людей (именитыхъ гражданъ) 3 рубли, а Епископу 3 рубли, а простой чади (за дочь простаго гражданина) 15 гривенъ, а Епископу 15 гривенъ, а Князь казнить. Аже кто зоветь чужу жену «срамнымъ словомъ» Великихъ Бояръ за соромъ ей 5 гривенъ золота, а Епископу 5 гривенъ золота, а Князь казнить; а будеть (жена) меньшихъ Бояръ, за соромъ ей 3 гривны, а Епископу 3 гривны золота; а будеть (жена) городскихъ людей, за соромъ 3 гривны серебра, а Епископу 3 гривны серебра; а сельскихъ людей за соромъ гривна серебра, а Епископу гривна серебра [1]). Отсюда видимъ, что виновный въ обидѣ женщины получалъ тройное наказаніе: онъ платилъ обиженной за срамъ, платилъ Епископу за вину и кромѣ того подвергался особому наказанію отъ Князя, тоже вѣроятно денежному. Сумма, которая платилась значительна. Сравнивая её съ платою за обиду мужчинѣ, по Русской Правдѣ, видимъ, что первая была гораздо выше. За увѣчье мужа (отнятіе руки, ноги, глаза или другого важнаго члена) платилось, по Правдѣ, самому увѣчному 10 гривенъ, а князю 20 [2]). За побои же безъ увѣчья, хотя бы съ синими и кровавыми знаками, плата князю не превышала 12 гривенъ, увѣчный же получалъ не болѣе одной гривны [3]).

[1]) См. Исторію Карамзина: т. 2, прим. 108.

[2]) Въ изданіи Калачева: II, 22.

[3]) Тамъ же: II, 22, 23, 24, 60, 61.

Принимая въ соображеніе, что гривна Правды есть гривна кунъ [1]), далеко уступавшая въ цѣнности своей гривнѣ золота (4 гривны кунъ составляли въ началѣ XIII ст. 1 гривну серебра [2]), 16 гривенъ серебра въ XII ст. равнялись одной гривнѣ золота) [3]), — находимъ, что плата за обиду жены превышала въ нѣсколько разъ плату за обиду мужа. Тоже подтверждаютъ и другіе памятники древне-русскаго права. Вотъ статьи касательно обиды мужа и жены въ договорѣ, 1199 года, князя Ярослава Владиміровича и Новгородцевъ съ Нѣмцами.

Обида мужу.

А оже моужа свяжють без вины, то 12 гривенъ за соромъ старыхъ коунъ. Оже оударять моужа ороужеіемь любо коломъ, то 6 гривенъ за рану старыіе.

Оже оупьхньть (толкнетъ), любо мятель (одѣжду) роздрьть (раздеретъ), то 3 гривны старыіе.

Обида женѣ.

Оже пошибаіеть (ударитъ) моужескоу жену, любо дчьрь, то Князю 40 гривенъ ветхыми коунами, а женѣ или моужьскоіе дчери 40 гривенъ ветхыми коунами.

Оже съгренеть (стащитъ) чюжеіе женѣ побои (повойникъ) с головы или дщьри, явиться просто волоса, 6 гривенъ старыіе за соромъ [4]).

---

[1]) См. Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды: Ланге. (Архивъ Калачева 1859 г., приложеніе кн. 1, стр. 25.)

[2]) См. Договоръ Мстислава Давыдовича съ Ригой 1229 г.: статья объ убійствѣ вольнаго человѣка. (Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. 2, № 1).

[3]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 28: Иванко Берладникъ, въ 1146 г., взялъ у Святослава Ольговича «200 гривенъ серебра, же 12 гривни золота». См. также Ланге: стр. 51, 52.

[4]) Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами: № 1, 6.

По договору Мстислава Давыдовича Смоленскаго съ Ригой, 1229 г., за осрамленіе свободной, никогда не посрамленной жены, платилось 6 гривенъ серебра. Высшая плата за обиду мужа, въ этомъ же договорѣ, была: пять гривенъ серебра (при увѣчьѣ ему) [1]). Не менѣе строго преслѣдовало оскорбленіе жены древнее право Чеховъ и Поляковъ. Древне-чешское право ставило насиліе женщины на равнѣ съ убійствомъ и подвергало виновнаго казни [2]). Одинъ уставъ суда земскаго, подтвержденный въ 1395 г. Королемъ Чешскимъ Вацлавомъ, опредѣляетъ: насилія женъ, вдовъ, дѣвицъ, должны быть казнимы по старому обычаю, чтобы онѣ прекращались и ихъ въ землѣ бы не происходило [3]). Смертную казнь опредѣляло за насиліе женщины и древне-польское право. Строгость туземнаго права Польши, въ этомъ дѣлѣ, заставляла многихъ виновныхъ искать убѣжища подъ правомъ нѣмецкимъ [4]).

Заботливая мать въ язычествѣ, русская женщина остается такой и при христіянствѣ, получая теперь только болѣе мягкій характеръ. Лѣтописецъ, желая выразить чрезвычайную доброту Владиміра Мономаха, не находитъ ничего лучше, какъ сравнить его съ матерью: «приходящая къ нему напиташе и напаяше, акы мати дѣти своя» [5]). Плачъ матери по Ростиславѣ, братѣ Мономаха,

---

[1]) Румянцева: Собр. Госуд. Гр. и Д. т. 2, № 1.

[2]) Výklad na právo zemské České. (Archiv Česky 2, стр. 491).

[3]) Archiv Česky 1, стр. 57.

[4]) Статутъ Вислицкій 1347 года. (Акты З. Р. т. 1, № 27; см. также Jus Polonicum Bandtkie: стр. 72, 73).

[5]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 112.

замѣченъ лѣтописцемъ [1]) и запечатлѣвшись въ памяти народной, чрезъ столѣтіе спустя, облекся у народнаго пѣвца въ живописный образъ. «Плачетъ мать Ростиславова по юношѣ, князѣ Ростиславѣ: уныли цвѣты отъ жалости, а древо съ тоскою къ землѣ приклонилось» [2]). Мудрость сына наслѣдство матери [3]). Полнѣе всего изобразилась личность христіянской матери въ Маріи, женѣ Всеволода Суздальскаго. Мы видѣли, какъ плача провожала она милую ей дочь Верхуславу за Ростислава Рюриковича [4]). И та съ своей стороны не забывала мать: едва услыхала о болѣзни ея, тотчасъ явилась изъ Смоленска и была при ней до самой смерти [5]). Старшій сынъ Маріи Константинъ, идя княжить въ Новгородъ, заходитъ сперва къ матери спросить у ней наставленіе и благословиться [6]). Поученіе, которое она даетъ своимъ дѣтямъ предъ смертью, во многомъ сходно съ поученіемъ Мономаха.— «Иноковъ чтите, имѣйте всегда тихость и кротость и смиреніе и любовь и милость; голодныхъ насыщайте, нагихъ одѣвайте, посѣщайте больныхъ, чистоту соблюдайте, милостыню всегда творите, никого не минуйте безъ привѣтствія, имѣйте любовь между собою и Богъ будетъ за васъ и сохранитъ васъ отъ злыхъ и покоритъ вамъ вра-

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 94.

[2]) Сл. о полку Игоревѣ (изд. Дубенск. стр. 243).

[3]) Татищевъ приводитъ рѣчь бѣярина Громилы Юрію Долгорукому: «княже, младыи Ваши Вельможи и совѣтники, надѣяся на вашу къ нимъ милость, говорятъ не ожидая старѣйшихъ, мня, что они отъ матерей всю мудрость пріобрѣли». (Ист. Росс. ч. 2, стр. 325).

[4]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 136.

[5]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 178.

[6]) Лѣтоп. по Никон. сп. ч. 2, стр. 289.

говъ вашихъ. Если же будете жить въ ненависти, въ распряхъ, то погибнете сами и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они оберегали съ большимъ трудомъ. Вашего старшаго брата Константина чтите какъ отца и главу, а ты Константинъ», обращалась она къ тому, «имѣй братьевъ, какъ своихъ сыновей» [1]). Бывъ 7 лѣтъ тяжко больна, Марія предъ смертью постриглась въ монастырѣ, который сама основала и пробывъ тамъ 18 дней, скончалась. Плакали по ней дѣти; сынъ ея Юрій не могъ утѣшиться, онъ былъ очень любимъ ею; другой любимецъ Маріи Константинъ, услыхавъ въ Новгородѣ о смерти матери, сильно плакалъ по ней и особенно, что не пришлось ему быть при смерти ея [2]). Константинъ, старшій сынъ Маріи, взросшій подъ ея надзоромъ, былъ полный отпечатокъ матери. Образованнѣйшій князь своего времени, Константинъ отличался великимъ беззлобіемъ, чрезвычайнымъ радушіемъ къ своему народу, правдивостью, милостынею и убогимъ, строилъ церкви въ своей области, старался передать и дѣтямъ тѣ нравы, что самъ наслѣдовалъ отъ матери: «дѣти, нищихъ и вдовъ не оставляйте, книжное поученье слушайте, будьте въ любви между собою». Весь народъ плакалъ о смерти его, плачемъ великимъ [3]). Мать жила въ однихъ интересахъ съ сыномъ. Мать Владиміра Мстиславича, живя въ Кіевѣ въ то время, когда сынъ ея скитался изъ волости въ волость, постоянно го-

[1]) Лѣт. по Никон. сп. ч. 2, стр. 290, 291.
[2]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 178 и Никон. лѣт. ч. 2, стр. 291.
[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 187, 188.

товя ковы Мстиславу 2-му,—могла вѣроятно съ своей стороны дѣйствовать на Кіевлянъ въ пользу сына. Потому Мстиславъ, утвердившись въ Кіевѣ, говоритъ ей: «иди въ Городокъ, а оттуда куда тебѣ угодно; не могу съ тобой жить въ одномъ мѣстѣ: твой сынъ все ищетъ головы моей, нарушая крестное цѣлованье» [1]). Ярославъ Осмомыслъ Галицкій, удаляя отъ себя жену Ольгу, удаляетъ и сына ея Владиміра [2]). Но особенно любопытна судьба жены и дѣтей Романа Мстиславича Галицкаго. Оставшись послѣ мужа съ двумя малолѣтными сыновьями, изъ которыхъ одного Даніила еще носили на рукахъ, всюду видя непріязнь, вдова Романа Великаго принуждена была скитаться вмѣстѣ съ дѣтьми, искать пріюта у чужеземцовъ. Когда сынъ ея Даніилъ, еще очень малый, былъ посаженъ Венгерскимъ королемъ на столъ отцовскій въ Галичѣ, то мать его пріѣхала въ Галичь, чтобы видѣть послѣ долгой разлуки сына своего, «присного Данила». Въ это время Даніилъ былъ такъ еще молодъ, что и матери своей не узналъ. Но когда чрезъ нѣсколько времени Галичане, вѣроятно опасаясь вліянія княгини на дѣла, удалили ее изъ города, то Данило не хотѣлъ оставлять матери и плакалъ по ней. Пріѣхавшій тіунъ Шюмавинскій Александръ, взялъ за поводъ коня, чтобы насильно увести Даніила отъ матери; онъ выхватилъ тогда мечъ, хотя ударить Александра, но не попалъ, а ранилъ только коня его. Мать,

[1]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 97.
[2]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 106.

взявши мечь изъ рукъ сына и успокоивъ его, оставила въ Галичѣ, а сама удалилась въ Бѣльзъ [1]). Когда подросли сыновья княгини Романовой, уменьшились ея заботы о нихъ, она постриглась въ монашество [2]). Но и живя въ монастырѣ, принимаетъ участіе въ дѣлахъ дѣтей: черезъ два года, послѣ постриженія, къ ней являются послы Лиговскіе [3]). Когда же, въ 1255 году, приходитъ къ Даніилу папскій посолъ Опиза, неся ему вѣнецъ королевскій и Даніилъ вторично готовъ отказаться, его склоняетъ явившаяся мать: «оному же одинако-не хотящу, и убѣди его мати его» [4]). Корона на головѣ сына была наградой вдовѣ Романа, — ея долгихъ заботъ о дѣтяхъ. Уваженіе къ матери — общее требованіе. Кіевляне, желая склонить Владиміра Мономаха къ миру съ Святополкомъ, не нашли никого лучше послать къ нему для переговоровъ, какъ мачиху его и митрополита. И Владиміръ «преклонися на молбу княгинину, чтяшеть ю акы матерь, отца ради своего.... и послуша ея, акы матéре» [5]). Олегъ Святославичь, желая оставить Кіевъ, гдѣ онъ жилъ у Ростислава Мстиславича, говоритъ ему: «мати моя зѣло болитъ; пусти мя къ Чернигову» [6]).

По смерти мужа, если жена оставалась вдовой, она была главой семьи, госпожа всего дома. Умеръ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 156—159.
[2]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 161.
[3]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 161.
[4]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 191.
[5]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 112.
[6]) П. С. Р. Л. т. 9, стр. 217.

князь Святославъ Ольговичь въ Черниговѣ; у него осталась жена. Она собираетъ на совѣтъ, епископа, лучшихъ мужей, рѣшаетъ скрыть на время смерть мужа, а между тѣмъ шлетъ сказать сыну Олегу: «иди скорѣй въ Черниговъ». Ей хотѣлось этимъ предупредить Святослава Всеволодовича, но тотъ получаетъ вѣсть отъ епископа Антона: «дядя твой умеръ, за Олегомъ послали, «дружина по городамъ далеко, княгиня сидитъ въ изумѣньи «съ дѣтьми, а имѣнья у нея много, приходи скорѣе» [1]). Умеръ въ Дорогобужѣ князь Владиміръ Андреевичь, во всемъ его имуществѣ, въ селахъ, стадахъ, осталась жена его. Приходитъ къ городу Владиміръ Мстиславичь; его сперва не пустили,—онъ шлетъ сказать дружинѣ покойнаго: «цѣлую крестъ — не сдѣлать зла вамъ, ни княгинѣ вашей, не трогать селъ ея и ничего другого». Когда же его пустили, онъ «уклонися на имѣніе и на села и на стада Андреевича, и погна княгиню изъ города» [2]). Имѣніе мужа переходило въ руки жены, особенно, когда не было завѣщанія. Въ Псковской судной грамотѣ читаемъ: «жена умершаго безъ завѣщанія и оставившаго отчину или имущество, имѣетъ право владѣть ими пожизненно до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ замужъ; въ противномъ случаѣ она теряетъ свое право» [3]). Но и

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 92.

[2]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 101.

[3]) Псковская суди. Грамота, изд. Мурзакевича. Къ Митрополиту Кипріяну обратилась одна вдова: «мужъ мой умеръ, его убили холопи, завѣщанія не оставилъ, дѣтей не было, есть вмѣсто ихъ пріемышь; я хочу сидѣть вдовою до смерти и поминать душу своего мужа; какъ, господинъ, ука-

при завѣщаніи, жена оставлялась какъ главная распорядительница всего имѣнія. «А жена моя, если станетъ сидѣть въ моемъ имѣньи, то госпожа ему (ино осподарына животу моему), — пойдетъ замужъ, получаетъ въ надѣлокъ только 10 рублей, да приданое», — пишетъ одинъ завѣщатель, Новгородецъ XIV вѣка [1]). «Если умретъ бояринъ или горожанинъ, то жена его, пока остается вдовой, имѣньемъ мужа владѣетъ, — выйдетъ въ другой разъ, имѣнье дѣтямъ или ближнимъ, а ей, что мужъ записалъ»: древнѣйшее право Полоцка, Витебска, Смоленска, Кіева и всей Западной Руси, подтвержденное Литовскими князьями [2]). Князь Владиміръ Андреевичъ пишетъ въ завѣщаніи: «а отниметъ Богъ кого-нибудь изъ сыновей моихъ, останется жена и не пойдетъ она замужъ, то сноха моя пусть сидитъ съ дѣтьми въ удѣлѣ мужа своего до смерти, — когда же умретъ, то удѣлъ идетъ сыну ея, моему внуку» [3]). Вдова мать—глава всего дома, воля ея—законъ для всѣхъ. По Русской Правдѣ, если жена садилась съ дѣтьми въ имѣньи мужа и если дѣти не хотѣли имѣть

жешь?» спрашивала она. Посмотря въ Номоканонъ, Митрополитъ рѣшилъ, что она имѣетъ право владѣть землею, людьми и всѣмъ имуществомъ мужа, поминать его душу, свое дитя пріемное кормить и можетъ распоряжаться въ завѣщаніи мужнимъ имѣніемъ. (Дополн. къ Акт. Истор. т. 1, № 255).

[1]) Акты Юридическіе т. 1, № 409, 1.

[2]) «Также который бояринъ, а любо мѣщанинъ отойдетъ съ сего свѣта, ино жона тая вдова, доколѣ на вдовьемъ столцѣ сѣдитъ, имѣньимъ мужьнимъ володѣетъ; а коли всхочетъ пойти за иного мужа, ино ее силою замужъ не давати, а пойти ей съ тымъ, што ей будетъ мужъ записалъ,... а имѣнье зоставити дѣтемъ». (А. З. Р. т 1, № 61, 204, 213; т. 2, № 30, 70). См. также Даялынскаго: Zbiór praw Litevskich и Мучковскаго: Codex Diplom. P. т. 1, стр. 333, 345.

[3]) Собраніе Государств. Грам. и Договоровъ т. 1, № 40.

ее вмѣстѣ съ собою, она все-таки оставалась и ея волю должны были всѣ исполнять, дѣти же при ней не имѣли воли [1]). Князь Дмитрій Ивановичь Донской пишетъ въ завѣщаніи: «приказалъ я дѣтей своей княгинѣ, а вы, дѣти мои, слушайте мать вашу во всемъ, изъ воли ея ни въ чемъ не выступайте, а который сынъ мой не станетъ слушать матери своей, не будетъ исполнять ея воли, — нѣтъ тому моего благословенія» [2]).

Всѣ обязанности главы дома, послѣ мужа, падали на жену. Прежде всего, она должна была управить душу покойнаго мужа, принесть извѣстную жертву церкви на поминовеніе. Этотъ даръ церкви на поминокъ, при поддержкѣ духовенства, войдя въ обычай, сталъ необходимостью. Онъ происходилъ иногда въ большихъ размѣрахъ. Жена Святополка Изяславича, послѣ его смерти, столько раздала богатства монастырямъ, духовнымъ, нищимъ, что дивились всѣ люди, такъ какъ такой жертвы никто не могъ бы сдѣлать [3]). Жена Глѣба Всеславича, по смерти мужа, дала на монастырь Печерскій 100 гривенъ серебра и 50 золота; сидѣвъ вдовою 40 лѣтъ, послѣ себя отдала тому же монастырю 5 селъ съ челядью, и однимъ словомъ все «до самаго повойника», какъ выражается лѣтописецъ [4]). «Управила я душу господина своего Діонисія, дала въ монастырь, на поминокъ души его, село Мининское», пишетъ

---

[1]) Изданіе Калачева II, 113.
[2]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. 1, № 34, 61.
[3]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 4.
[4]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 82.

княгиня Марина, жена князя Дмитрія Константиновича, въ иночествѣ Діонисія [1]). Лучшимъ же поминкомъ души считалось, когда жена по смерти мужа сама постригалась. Такъ, жена Константина Всеволодовича постриглась при самомъ гробѣ мужа [2]). «У меня задушье готово», думалъ мужъ, когда слышалъ, что жена его намѣрена постричься и тогда скорѣе предоставлялъ ей безусловное распоряженіе своимъ имѣніемъ. Одно древнерусское поученіе такой совѣтъ даетъ мужу: «если жена дастъ обѣтъ постричься по тебѣ, почти ее какъ свою душу и оставь ей свое имѣніе, отдѣливъ только часть для Бога [3]). Сходно съ этимъ, одинъ Полякъ, конца XII ст., завѣщаетъ свое имѣніе: «если жена моя выйдетъ другой разъ замужъ, — ей дается одно село, если не принявъ иночества, она останется вдовой послѣ меня,— къ тому селу придается еще другое, если же она, какъ мнѣ обѣщала, пострижется въ опредѣленномъ мною монастырѣ, — все мое имѣніе отдаю ей [4]). Вдова женитъ сыновей, дочерей выдаетъ замужъ, производитъ дѣлежъ имѣнія между дѣтьми, разбираетъ ихъ споры. Князь Ростиславъ Рюриковичъ празднуетъ у тещи въ Пинскѣ свадьбу шурина своего Ярополка [5]). Послѣ князя Василья Всеволодовича, во всемъ Яро-

---

[1]) Акты до Юридическаго быта изд. Калачевымъ: 439.

[2]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 188.

[3]) Поученіе о благоустройствѣ семейной жизни, изъ рукописи XV—XVI в., Соловецкой Библіотеки. (Православный Собесѣдникъ 1858 г., Декабрь, стр. 510).

[4]) Codex diplomaticus Poloniae Мучковскаго, т. 1, стр. 15.

[5]) П. С. Р. Л. т. 2, стр. 141.

славскомъ княженіи осталась съ дочерью вдова его. Выдавъ дочь замужъ, она приняла зятя въ домъ къ себѣ [1]). Князь Иванъ Всеволодовичь Тверской взялъ дочь у Евдокіи, вдовы Дмитрія Донского [2]). Князь Дмитрій Ивановичь возлагаетъ на жену дѣлить удѣлы между сыновьями: «если кто изъ сыновей моихъ умретъ», пишетъ онъ въ завѣщаніи, «то княгиня моя его удѣломъ подѣлитъ остальныхъ; кому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ея воли не выйдутъ» [3]). Князь Владиміръ Андреевичь предоставляетъ женѣ разбирать и судить споры между сыновьями: «что случится между моими дѣтьми, они должны идти къ моей княгинѣ и кого обвинитъ она, братъ старѣйшій, князь великій, то доправь» [4]). На попеченіе вдовы особенно возлагались меньшіе дѣти; ихъ имѣніе было нераздѣльно съ матерью и отъ ней впослѣдствіи зависѣло дать имъ извѣстный надѣлъ. Князь Иванъ Даниловичь назначаетъ женѣ своей, вмѣстѣ съ меньшими дѣтьми, нѣсколько волостей и золото, которое у него было [5]). «А женѣ моей Антонидѣ съ меньшими дѣтьми», пишетъ одинъ завѣщатель XV вѣка, «далъ я девять людей, тѣми людьми жена моя подѣлитъ меньшихъ дѣтей» (6).

---

[1]) Никон. лѣт. ч. 3, стр. 62.

[2]) Никон. лѣт. 4, стр. 270.

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. 1, № 34.

[4]) Собр. Г. Г. и Д. т. 1, № 40.

[5]) С. Г. Г. и Догов. т. 1, № 21.

[6]) Акты Юридич. т. 1, № 411. См. также Акты Юрид. т. 1, № 409: «А на Низу села въ Заостровьи ... меншимъ дѣтемъ съ матерью,» пишетъ завѣщатель, XIV в.

Стоя во главѣ семьи, вдова была лицемъ официяльнымъ, могла лично отъ себя вести дѣла въ судѣ. «У кого будетъ дѣло до старѣйшей жены или до житьей вдовы», говоритъ Новгородская судная грамота, «и есть у ней сынъ, то онъ цѣлуетъ крестъ за себя и за мать: не поцѣлуетъ сынъ креста за мать, тогда она цѣлуетъ крестъ у себя на дому, предъ исцемъ и приставами» [1]). Большія заботы, которыя лежали на вдовѣ, особенно при малолѣтствѣ дѣтей, заставляли ее иногда прибѣгать къ посторонней помощи. Къ Ѳеодосію обратилась одна бѣдная вдова, прося о защитѣ предъ судьей, который несправедливо рѣшилъ ея дѣло. Ѳеодосій исполнилъ ея просьбу [2]). Общей обязанностью было поддерживать вдову. «Вдовицю оправдите сами», говоритъ Мономахъ дѣтямъ [3]). Какъ достоинство князей, лѣтописцы ставятъ покровительство вдовамъ. Вдова, не имѣвшая дома своего, поступала подъ кровъ церкви [4]). Польское право удлинняло для вдовъ срокъ начала иска на 6 лѣтъ, 3-мя годами болѣе обыкновеннаго: propter fragilitatem sexus, по слабости пола [5]). Чешскіе хронисты выставляютъ покровительство вдовамъ тоже какъ достоинство своихъ князей. Чешскій князь Вацлавъ самъ носилъ

---

[1]) Акты Археогр. Эксп. т. 1, № 92.

[2]) Житіе Ѳеодосія.

[3]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 102.

[4]) См. списки краткой и обширной редакціи Церковп. Уст. Владиміра. (Исторія церкви Макарія т. 1, примѣч. 236, 240).

[5]) Вислицкій Статутъ Казимира 3. (А. З. Р. т. 1, № 2.; Jus Polonicum Bandtkie).

дрова вдовицамъ [1]). По Чешскому праву, вдова вела дѣла въ судѣ одинакимъ же порядкомъ какъ мужчина и подвергалась даже судебному поединку, который въ этомъ случаѣ совершался нѣсколько иначе чѣмъ обыкновенно. Копалась яма, въ ней становился по поясъ отвѣтчикъ съ мечемъ и большимъ щитомъ, онъ долженъ былъ ворочаться въ ямѣ и обороняться, какъ могъ, а вдова должна была биться съ мечемъ и щитомъ въ перилахъ, поставленныхъ кругомъ ямы, и ни онъ изъ ямы, ни она изъ перилъ выдти не могутъ, пока одинъ не переможетъ другого. Кто выйдетъ теряетъ искъ [2]).

Полная хозяйка въ домѣ, часто мать большого семейства, вдова получала отсюда и значеніе въ обществѣ. «По слову и благословенію матери нашей Авдотьи», начинаетъ свой договоръ съ братьями князь Василій Дмитріевичь [3]). Онъ же ставитъ условіемъ договора съ братомъ Юріемъ: «а мать свою намъ держать въ матерствѣ и въ чести». Вмѣстѣ съ матерью, рѣшаетъ Михаилъ Ярославичь Тверской послать своего игумена ставиться у митрополита въ епископы [4]). Марія, вдова князя Василька Константиновича, жила съ дѣтьми Борисомъ и Глѣбомъ въ Ростовѣ. Пріѣзжая изъ орды, дѣти обыкновенно шли къ ней благословиться. Однажды, проѣздомъ изъ Новгорода въ Владиміръ, заѣхалъ къ Маріи Алек-

---

[1]) Dalemilova Chron. стр. 48.
[2]) Řád prava zemského. (Archiv Český 2, 96).
[3]) Собр. Госуд. Гр. Дог. т. 1, № 37.
[4]) Никон. Лѣт. ч. 3, стр. 87.

сандръ Невскій. Она приняла его съ великой любовью и честью; Александръ отплатилъ ей тѣмъ же. До чего могло дойти вліяніе вдовы въ древней Руси, примѣръ: Марфа Борецкая. Большія средства оставилъ Марфѣ съ дѣтьми ея мужъ, посадникъ Исаакъ Борецкій. Земли Борецкихъ лежали въ Двинской области. Богатство давало Марфѣ вліяніе на гражданъ, личный характеръ ставилъ въ ея зависимость дѣтей, уже взрослыхъ. У Марфы на рукахъ былъ весь домъ. Къ ней по монастырскому дѣлу обращается Св. Зосима игуменъ Соловецкій; она уступаетъ его монастырю землю. Въ ея «чудномъ дворѣ» собиралось часто много людей и Марфа была душою собранія, хотя ея рѣчи, по словамъ неблагосклоннаго къ ней лѣтописца, были «прельстительны и богоотметны». На одинъ такой пиръ, который давала Марфа своимъ приверженцамъ, былъ приглашенъ и Св. Зосима. Марфа не щадила денегъ для народа, чтобы держать его въ своей волѣ. А волей Марфы былъ союзъ съ Литвою. «Она», говоритъ лѣтописецъ, «когда пріѣхалъ въ Новгородъ князь изъ Литвы, Михаилъ Александровичь, сговаривалась съ нимъ и тотъ далъ ей совѣтъ: взять въ мужья кого либо изъ Литовскихъ пановъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ править въ Новгородѣ, отъ имени короля Казиміра [1]). Въ пріѣздъ Іоанна 3-го въ Новгородъ, 1476 года, ему давала у себя пиръ богатая вдова Настасья съ сыномъ Юрьемъ.

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 6, стр. 5—6. Житіе Зосимы Соловецкаго. (Карамзина: Исторія Государства Росс. т. VI, стр. 19, примѣч. 36).

Іоаннъ при этомъ получилъ отъ ней въ даръ: 30 большихъ золотыхъ, 8 поставовъ сукна Ипскаго, два сорока соболей, да два зуба рыбьихъ [1]). Вообще славянское право было благопріятно вдовѣ. По древне-польскому праву, прежде чѣмъ оно подверглось вліянію нѣмецкаго, жена, послѣ смерти мужа, была въ томъ же положеніи какъ и у Русскихъ: — если оставалась вдовой, то садилась во всемъ имѣньи мужа [2]). Опеку надъ дѣтьми короля Казиміра Справедливаго (ок. 1194 г.) приняла мать ихъ,—чрезвычайно умная женщина. Она раздавала по заслугамъ должности: однихъ смѣняла, другихъ опредѣляла, ни одно назначеніе не проходило безъ ея воли. Общее уваженіе къ ней было причиной, что паны безпрекословно подчинялись ея приказаніямъ [3]). Правители Сербскіе, въ грамотахъ своихъ, обыкновенно ставятъ вмѣстѣ съ своимъ именемъ имя матери [4]). Воевода Сандаль грамотою своею 1410 г. утверждаетъ, что онъ будетъ любить, почитать свою мать, ни при какомъ случаѣ не оставитъ её и что если умретъ жена его Катерина, то онъ, пока жива мать, не введетъ въ домъ свой другой супруги, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы не ослабить этимъ власть матери въ домѣ [5]). И у Поморянъ, въ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VI, стр. 16; т. 3, стр. 142.

[2]) Статутъ Владислава Ягеллона 1420 г.: Откладаемъ щкодъливый обычай, штожъ наши подданыи держалися посполного обычаю: коли мужъ женѣ умретъ, тогды жена сядетъ на удовьемъ стольцы во всемъ имѣньи; а у томъ велики щкоды дѣтемъ ся дѣють. (Акты З. Р. т. 1, № 27).

[3]) Польская Хроника Кадлубка, стр. 221.

[4]) Сербскіи споменицы собр. Твртковича: № 66, 95, 97 и друг.

[5]) Тамъ же: № 93.

древнее время, мать вдова имѣла почетъ. Въ ихъ дарственныхъ записяхъ, мы обыкновенно встрѣчаемъ имя матери и сына вмѣстѣ [1]). Анастасія, вдова Поморскаго князя Богуслава, правила государствомъ за малолѣтствомъ дѣтей своихъ (ок. 1187 г.) [2]). Но вдова теряла всѣ права свои въ домѣ мужа, когда вторично выходила замужъ. Она получала тогда только то, что мужъ собственно ей записалъ. Мы привели выше, какъ мужъ-завѣщатель, дѣлая жену госпожей всего своего имѣнья, если она будетъ вдовой послѣ него; въ случаѣ ея выхода замужъ, опредѣлилъ ей только 10 рублей [3]). Вообще право старалось ограничить полную власть жены въ имѣньи мужа извѣстною, записанною ей мужемъ частью; её одну она могла по праву завѣщать, продавать, дарить какъ хотѣла. «А что на ню мужь възложить тому же есть госпожа», — говорится въ Русской Правдѣ [4]). Въ духовныхъ Московскихъ князей XIV-го вѣка, княгиня вдова получала отъ мужа однѣ волости съ правомъ располагать ими по своей волѣ, никто не могъ вступаться въ нихъ; власть ея надъ другими была ограничена. Она держала ихъ до своей смерти, потомъ онѣ шли къ дѣтямъ [5]). Наконецъ, были еще третьи: княгининскія пошлыя;—владѣніе ими было право жены великаго князя.

---

[1]) Dreger: Codex Diplomaticus Pomeraniae, стр. 49, 75, 98, 112, 122, 124 и друг. Riedel: Codex Diplom. Brandenburgensis т. 6, стр. 13.

[2]) Dreger: Codex Diplom. Pom. стр. 39.

[3]) Акты Юрид. т. 1, № 409.

[4]) Изд. Калач. II, 88.

[5]) Собр. Грам. и Договор. т. 1, № 34. 40.

Василій Дмитріевичъ, завѣщаетъ ихъ женѣ своей, но съ оговоркой: «княгиня моя вѣдаетъ, тѣ княгининскія пошлыя села, до тѣхъ поръ, пока женится сынъ мой, послѣ чего она отдастъ ихъ княгинѣ сына моего, снохѣ своей, такъ какъ эти села были издавна за княгинями» [1]).

Развитіе жизни семейной характеризуетъ христіанское русское общество. Центръ, около котораго вращается эта жизнь, — женщина. Она является тамъ, какъ нѣжная сестра, преданная супруга, пекущаяся и глубоко уважаемая мать. Свою вѣщую силу язычества, она замѣнила глубокою вѣрою въ святыню новой религіи, вмѣсто физической силы, обнаруживаетъ великую силу нравственную, которая даетъ ей господство въ семьѣ и она таже нѣжная мать, только еще въ болѣе мягкихъ формахъ.

---

[1]) Собр. Госуд. Гр. и Договор. т. 1, № 39.

III.

РАБА.

Положеніе женщины рабы, въ древней Руси, было не отрадное. Высшее несчастіе—обратиться въ рабство. Русскіе, въ договорѣ Игоря, обрекаютъ всѣхъ, кто не исполнитъ условій договора, вѣчному рабству: «да не имутъ помощи отъ Бога и да будутъ рабы въ сей вѣкъ и будущій» [1]). Правдою Ярослава рабъ или раба, нанесшіе обиду свободному человѣку, предоставлялись его полной волѣ; онъ могъ ихъ безнаказанно убить при первой встрѣчѣ [2]). По мѣрѣ распространенія христіянства, при заботахъ духовенства, положеніе рабы становилось лучше. Уже въ Правдѣ сыновъ Ярослава, за убійство рабы опредѣляется 6-ть гривенъ, болѣе чѣмъ за убійство смерда и холопа [3]). Нѣсколько позднѣе, при Мономахѣ, раба стала подъ защиту князя. Невинно убившій рабу, кромѣ опредѣленной за это платы, вносилъ еще князю 12 гривенъ продажи [4]). За обиду свобод-

---

[1]) П. С. Р. Л. т. 1, стр. 22.
[2]) Изд. Калачева II, 76.
[3]) Тамъ же: II, 13.
[4]) Изд. Калачева II, 84.

ному, рабъ и раба уже болѣе не убивались, но ихъ подвергали или тѣлесному наказанію, или заставляли платить гривну кунъ [1]). Опредѣлилась плата и за обиду рабѣ. По договорамъ съ Нѣмцами 1199 года, Ярослава Владиміровича и 1229 года, Мстислава Давыдовича, платили за насиліе рабѣ по гривнѣ серебра. Законный бракъ свободнаго на рабѣ былъ затруднителенъ; нужно было непремѣнно вступить въ извѣстный договоръ съ господами рабы; въ противномъ случаѣ бракъ съ рабою приносилъ холопство [2]). Отсюда могли быть частые случаи незаконной связи съ рабою. И право заботилось оградить рабу-мать. Если раба кормила дѣтей, за убійство ея платилось 12 гривенъ [3]). Дѣти свободнаго человѣка отъ рабы, хотя не наслѣдовали послѣ отца, но получали свободу вмѣстѣ съ матерью [4]). По договору Новгорода съ Нѣмцами 1199 года, срамъ рабы отъ насилія искуплялся дарованіемъ ей свободы [5]). Если рабъ обличался въ воровствѣ, а его жена и дѣти не участвовали въ этомъ, то ихъ не выдавали за преступленіе мужа и отца [6]). Вообще раба получила возможность находить въ судѣ защиту отъ притѣсненій господъ. Двинская уставная Грамота, 1398 года, запрещаетъ намѣст-

---

[1]) Тамъ же: II, 58.

[2]) Русская Правда по Синод. списку. (Русскія Достоп. т. 1, стр. 55).

[3]) Изд. Правды, Калачева: II, 14.

[4]) Тамъ же: II, 92.

[5]) «Оже кто робу повержьть насильіемь, а не соромить, то за обиду гривна, пакы ли соромить, собѣ свободна». (Грамоты, кас. до сношеній Сѣверо-зап. Россіи съ Ригою и Ганз. городами: № 1, б.)

[illegible] Правды [illegible] II, 115.

никамъ брать пеню, если господинъ «огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу, а случится смерть» [1]). Слѣдовательно, до этаго запрещенія взыскивались пени, даже за ненамѣренное убіеніе рабы ея господиномъ. Одна раба въ Дорогобужѣ, говоритъ сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ, «по приказанію госпожи своей работала въ день св. Николы. Явившіеся св. Борисъ и Глѣбъ наказали ее: она лишилась руки и не могла работать. Видя это, госпожа прогнала ее отъ себя, поработивъ взамѣнъ того ея сына, который родился свободнымъ. Раба обратилась въ судъ и «судящии не послабиша тому такому быти:» они лишили госпожу денегъ, которыхъ стоила раба, а ей вмѣстѣ съ сыномъ дали свободу, такъ какъ она была наказана, исполняя неволей приказаніе [2]). Но, принимая рабу подъ свою защиту, древне-русское право однако упорно отказывало ей въ личныхъ правахъ, которыя оставались, какъ принадлежность только свободной женщины. «А холопу и рабѣ вѣры не няти», говорится во многихъ грамотахъ [3]). Духовенство старалось установить семейность въ отношеніяхъ рабовъ къ хозяину,— хотѣло, чтобъ онъ пекся о своей челяди, какъ о прочихъ членахъ семьи. «Дѣти мои», говоритъ одинъ изъ нашихъ древнихъ пастырей, «челядь свою до сыта кор-

---

[1]) Акты Археогр. Экси. т. 1, № 13.

[2]) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ чернор. Іякова. (Изъ Сильвестровскаго Сборника, изд. И. И. Срезневскимъ, стр. 79—80).

[3]) Договорныя грамоты Новгорода съ князьями. (Собр. Госуд. Гр. и Д. 1, №. 3 и слѣд.). Также грамоты Литовскихъ князей Полоцку, Витебску, Кіеву. (А. З. Р. т. 1, № 204, 213; т. 2, № 70).

мите, одѣвайте, обувайте. Если же не кормите, не одѣваете и не обуваете, а холопа твоего или рабу убьютъ при воровствѣ, за кровь его и за душу тебѣ отвѣчать. Потому, снабжайте сиротъ своихъ всѣмъ и учите ихъ на крещеніе, и на покаяніе, и на весь законъ Божій. Ты какъ апостолъ, въ дому своемъ,—учи грозою и лаской. Если же не учишь, отвѣтъ дашь за то предъ Богомъ. Получивъ страхъ Божій, они не опечалятъ тебя на старости. Если рабъ или рабыня не слушаютъ тебя, не исполняютъ твоей воли, — не щади лозы и дай имъ до 4 или до 6 или до 12 ударовъ; если велика вина 20 ударовъ, если очень велика 30 ударовъ, болѣе не позволяемъ. Если такъ будешь ихъ учить, хорошо одѣвать и кормить, то получишь награду отъ Бога» [1]).

---

[1]) Поученіе ко всѣмъ Христіянамъ. (Изъ Златой цѣпи XIV—XV в., см. Историч. Христоматію Буслаева, стр. 480). Арх. Филаретъ приписываетъ его митрополиту Кириллу 1 (Обзоръ Дух. Лит. 1, 46—47),—Еп. Макарій—епископу Матвѣю Сарайскому, ок. 1356 г., (Духовный Вѣстникъ 1862 г. Мартъ, стр. 288—290).

IV.

ЖЕНЩИНА БЫЛИНЪ.

Обращаясь къ древнѣйшей народной поэзіи, мы встрѣчаемъ и тамъ изображеніе русской женщины языческаго времени, которое, соотвѣтствуя вполнѣ тому, что мы извлекли изъ письменныхъ источниковъ, пополняетъ его болѣе живыми красками. Былины объ Ильѣ Муромцѣ сообщаютъ намъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ къ женщинѣ этотъ древнѣйшій богатырь русской земли. Совершаетъ Илья свои богатырскія поѣздки, исполняя порученія князя Владиміра, живетъ онъ во время ихъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку времени съ Авдотьей Горынчанкой съ Омельфой Тимофѣевной, съ бабой Латыгоркой (Латымиркой), приживаетъ дѣтей, о которыхъ забываетъ до той поры, пока они не сталкиваются съ нимъ въ бою [1]). Дѣти, прижитые Ильею, воспитываются матерьми:

Есть то я изъ темной орды хороброй Литвы,
Есть то я вдовина дочь,

---

[1]) Кирѣевскаго: Сборникъ былинъ 1, стр. 2—14; IV, стр. 17. Рыбникова Сборникъ: 1, стр. 66—85.

У меня была матушка колачница,
Калачи пекла, поторговывала,
Тымъ меня и воспитывала»,

говоритъ о себѣ дочь Ильи Муромца, прижитая имъ во время жизни его въ Литвѣ [1]). Въ томъ же родѣ и женщины, съ которыми встрѣчаются богатыри. Сами онѣ предлагаютъ любовь свою:

«Ай же ты, дородній добрый молодецъ!
Сойди ка со сыра дуба,
Сойди, любовь со мной сотвори!»

говоритъ Ильѣ жена Святогора-богатыря [2]).

«У тя есть-ли охота, горитъ-ли душа
Со мной съ дѣвицей позабавиться»?

говоритъ также ему прекрасная королевична, къ которой онъ однажды заѣхалъ [3]). Марина сама предлагаетъ Добрынѣ взять ее замужъ:

«Ты Добрыня Добрынюшка, сынъ Никитьевичь,
Возьми ка, Добрыня, меня за себя» [4]).

Удалая богатырша, женщина великая, которую повстрѣчалъ Добрыня, побѣждаетъ его и потомъ беретъ себѣ въ мужья:

«Говорила Настасья дочь Никулична:
Ежели богатырь онъ старой,
Я богатырю голову срублю:
А ежели богатырь онъ младой,

---

[1]) Рыбн. 1, стр. 72.
[2]) Рыбн. 1, стр. 38.
[3]) Рыбн. 1, 64.
[4]) Кирѣевск. вып. 2, 53 и далѣе.

Я богатыря въ полонъ возьму;
А ежели мнѣ богатырь въ любовь придетъ,
Я теперича за богатыря замужь пойду» [1]).

Также женится и Дунай Ивановичь. Въ чистомъ полѣ находитъ онъ себѣ обручницу и супротивницу, тоже паленицу удалую Настасью, борется съ ней, побѣждаетъ:

«Кто меня побьетъ въ чистомъ полѣ,
За того мнѣ дѣвицѣ за мужь итти»,

говоритъ побѣжденная Настасья. «Тутъ они обручалися, кругъ ракитова куста вѣнчалися», заключаетъ былина ([2]). Сама просватываетъ себя и племянница князя Владиміра Запава Путятишна:

«А и я, де, дѣвица на выданьѣ,
Пришла, де, сама за тебя свататься»,

говоритъ она Соловью Будиміровичу, взойдя въ его теремъ ([3]).

Богатыри, отправляясь сватать невѣстъ, часто оканчиваютъ сватовство похищеніемъ, съ согласія только невѣсты. Дунай Ивановичь отправился къ королю Литовскому сватать дочь его Опраксу за князя Владиміра, когда король не соглашается выдать дочь,—богатырь проникаетъ самъ въ теремъ Опраксы, разбиваетъ всѣ запоры:

«Ай же ты, Опракса Королевична!
Идешь-ли ты за мужь за князя за Владиміра?»

говоритъ Дунай Опраксѣ.

---

[1]) Рыбн. 1, 129.
[2]) Кирѣевск. 4, 77.
[3]) Кирѣевск. 3, 105.

«Три года я Господу молилася,
Чтобъ попасть мнѣ за мужъ за князя за Владиміра»,

отвѣчаетъ Опракса въ одной былинѣ, въ другой, она съ радости хочетъ цѣловать Дуная. И потомъ они отправляются [1]). Также поступаетъ при своемъ сватовствѣ и Иванъ Годиновичь. Пріѣзжаетъ онъ къ богатому гостю Дмитрію свататься на дочери его Настасьѣ:

«Гой еси ты, славной Дмитрій гость!
Я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ свататься,
Ты отдай за меня Авдотью лебедь бѣлую!
Ужъ ты честно не дашь,—забоемъ возьму»,

говоритъ онъ купцу Дмитрію. Когда Дмитрій не соглашается выдать за него дочь, такъ какъ она уже была просватана за царя Афромея Афромеевича, то Годиновичъ идетъ самъ къ Настасьѣ и уводитъ ее, сказавъ на прощаньи купцу Дмитрію:

Гой еси ты, славной Дмитрій гость!
Добромъ мы у тебя сватались,
Не могъ ты честью мнѣ отдать,—
Нонѣ беру и не кланяюсь» [2]).

«Не дивуюсь я князю Владиміру», говоритъ въ одной былинѣ Добрыня,

«Что и самъ творитъ, другому велитъ,
Отъ живаго мужа хочетъ жену отнять» [3]).

---

[1]) Рыбн. 1, 191.
[2]) Кир. 3, 20—27.
[3]) Рыбн. 1, 145.

Разсказъ былины о томъ, какъ выдавалъ своихъ дочерей замужъ Соловей-разбойникъ, напоминаетъ, приведенныя выше, извѣстія о несоблюденіи степеней родства при бракахъ. Говоритъ Илья Муромецъ Соловью-разбойнику:

«Што у тя дѣти во единой ликъ?
Отвѣчаетъ Соловейко разбойничекъ:
Я сына-та выросшу, за нево дочь отдамъ;
Дочь-ту вырасшу, отдамъ за̀ сына,
Штобы Соловейкинъ родъ не перево́дился» [1]).

Примѣровъ непрочности брачной связи мы встрѣчаемъ въ былинахъ очень много. «Знаю я ваши умы-разумы женскіе», произноситъ Добрыня свое сужденіе о современной ему женщинѣ, «мужъ пойдетъ за дровами въ лѣсъ, а жена пойдетъ во замужество» [2]). Только что стала Настасья женою Ивана Годиновича, какъ уже готова оставить его для царя Афромея Афромеевича, польстившись на царскій почетъ:

«Отъ бережка я откачнулася,
А къ другому я не прикачнулася,»

говоритъ она послѣ смерти царя Афромея [3]). Тоже дѣлаетъ и жена Михайлы Потыка, Марья лебедь бѣлая: во время отсутствія мужа, она уходитъ съ королемъ Политовскимъ. Михайло отправляется возвращать жену, та, зная слабость Михайлы до вина, поитъ его виномъ забудущимъ и обращаетъ сперва въ камень, потомъ же, когда

---

[1]) Кир. 1, 37.
[2]) Рыбн. 1, 145.
[3]) Рыбн. 1, 201.

Михайло, при помощи своихъ братьевъ крестовыхъ и Николы Можайскаго, оживаетъ, Марья прибиваетъ его гвоздями къ стѣнѣ [1]). Жена Бермяты Васильевича, ради красиваго Чурилы Пленковича, измѣняетъ своему старому мужу [2]). Но болѣе полнымъ образомъ выразили былины характеръ языческой жены, въ лицѣ супруги самого князя Владиміра. Какимъ въ лѣтописи является Владиміръ-язычникъ, въ томъ же родѣ изображаютъ былины жену его Апраксѣевну. Открыто предъ всѣми имѣетъ она связь съ Тугариномъ Змѣевичемъ [3]). Когда къ ней однажды приходятъ сорокъ каликъ со каликою, то, обзарившись на предводителя ихъ Касьяна Михайловича, она хочетъ прельстить его. Касьянъ не соглашается отступить отъ положенной имъ на себя заповѣди и разгнѣванная княгиня мститъ ему самымъ коварнымъ образомъ. Будучи за то наказана страшною болѣзней и исцѣлена чудомъ Касьяна Михайловича, она все-таки:

«Молоду Касьяну поклоняется,
Безъ стыда, безъ сорому,
А грѣхъ свой на умѣ держитъ» [4]).

Держитъ она также у души и Чурилу Пленковича [5]).

Въ силѣ и отвагѣ женщины былинъ не отстаютъ отъ мужчинъ, часто даже превосходятъ ихъ. Бой въ чи-

---

[1]) Рыбн. 1, 205 и далѣе.
[2]) Рыбн. 1, 267.
[3]) Кир. 4, стр. 82—84, 86. Рыбн. 1, 266.
[4]) Кир. 2, 75, 80, 3, стр. 99.
[5]) Кир. 3, стр. 81—99.

стомъ полѣ съ удалою женщиной,—сватовство богатырей. Такъ женится Добрыня на Настасьѣ Никулишнѣ, Дунай Ивановичь на Настасьѣ Королевичнѣ. Встрѣчаетъ однажды въ полѣ Добрыня удалую паленицу:

«Ударилъ своей палицей булатноей
Тую паленицу въ буйну голову:
Паленица назадъ не оглянется,
Добрыня на кони пріужахнется».

Добрыня повторяетъ ударъ, но и тотъ проходитъ безъ вниманія. Добрыня еще ударяетъ, тогда:

«Паленица назадъ пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
Я думала, что комарики покусываютъ,
Ажно русскіи могучіи богатыри пощелкиваютъ!—
Какъ хватила Добрыню за желты кудри, и т. д.» [1])

На Кіевъ нападаетъ Тугаринъ, князь Владиміръ посылаетъ за Ильею Муромцемъ, но Ильи не случилось, дома оставалась только молодая жена его Савишна. «Добро» говоритъ она,

«Ты, гонецъ, назадъ бѣги,
А Илья за тобой не замѣшкаетъ.»

Проводивши гонца:

«Наказала коня сѣдлать доброво,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Не забыла колчанъ каленыхъ стрѣлъ,
Тугой лукъ, саблю острую.
Какъ сѣла въ сѣдло, только и видѣли.
И поѣхала ко городу Кіеву,
Къ великому князю къ Володимеру».

---

[1]) Рыбн. 1, 128; Кир. 2, 30.

Всѣ ее приняли за Илью Муромца и Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня,

«Убѣжалъ онъ въ свои улусы Загорскія,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца.
А богатырь Илья Муромецъ
Знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ,
Кто за него бился съ Тугариномъ» [1]).

Похвалился Ставръ Годиновичь на пиру князя Владиміра своей молодой женой, что обманетъ она всѣхъ князей и бояръ «самого солнышка съ ума сведетъ». За эту похвальбу посадили Ставра въ глубокіе погреба. Узнала объ этомъ его молодая жена Василиса Никулишна, снарядилась по богатырски и отправилась выручать мужа. Назвавшись грознымъ посломъ Василіемъ, явилась сватать племянницу Владиміра Запаву Путятишну. «Не выдай дѣвицы за женщину,» говоритъ Запава своему дядѣ, и Владиміръ старается розузнать сперва: мужчина-ли, посолъ или женщина, но всѣ его испытанія Василиса успѣшно выполняетъ, при этомъ выказываетъ необыкновенную силу, которой уступаютъ даже богатыри Владиміра. Вызванная бороться, побораетъ всѣхъ борцевъ. Перестрѣливаетъ всѣхъ богатырей Владиміровыхъ. Владиміръ перестаетъ сомнѣваться, Василиса освобождаетъ Ставра и съ нимъ возвращается домой. «Ты какъ похвастался, такъ я и сдѣлала,» говоритъ она мужу [2]). По другой былинѣ, гдѣ Василиса Никулишна жена Данилы Ловчанина, она ѣздитъ по чисто-

---

[1]) Кир. 1, 57.

[2]) Рыбн. 1, 241—250. Кир. IV, 59—68.

му полю, въ платьѣ молодецкомъ, на добромъ конѣ, бьетъ гуськовъ да лебедушекъ [1]). Жена Дуная Ивановича хвалилась, что нѣтъ въ Кіевѣ стрѣльца искусснѣе ея:

«А коли по мѣтамъ-то стрѣлять,
Дакъ, мѣтнѣ меня нѣтъ во всемъ Кіевѣ.»

И дѣйствительно, начавъ состязаться въ стрѣльбѣ съ мужемъ, она превзошла его [2]). У Соловья разбойника, побѣжденнаго Ильей Муромцемъ, была дочька Пелька, удалая паленица. Когда Илья не соглашается освободить ея отца и уѣзжаетъ, то:

«Какъ хватила она подворотнею въ сорокъ пудъ,
Бросила она ею въ буйную голову
Со тыихъ со выходовъ высокіихъ:
Чуть Илья на конѣ усидѣлъ,
Чуть Ильюша на конѣ не палъ [3]).»

Выставляя женщину, какъ она являлась въ древнѣйшую пору русской жизни, былина не забываетъ отмѣтить и болѣе лучшихъ проявленій ея. Василиса Никулишна, любящая, глубоко преданная мужу жена. Князь Владиміръ чтобы жениться на ней, хочетъ убить ея мужа. Но она не допуститъ подобный союзъ. Предугадываетъ это Илья Муромецъ и говоритъ Владиміру:

«Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
Изведешь ты ясново сокола:
Не пымать теѣ бѣлой лебеди!»

Узнаетъ Василиса о бѣдѣ, угрожающей мужу:

---

[1]) Кир. III, 35.
[2]) Рыбн. 1, 194; 2, 50. Кир. III, 68, 79.
[3]) Рыбн. 1, 49.

«Заливалася она горючьми слезми.
Сѣла на добра коня, поѣхала во чисто поле
Искать мила дружка своево Данилушка.
Нашла она Данилу свѣтъ Денисьича,
Возговоритъ ему таково слово:
«Ты надежинька, надежа, мой сердешной другъ,
«Да ужь молодой Данила Денисьевичь!
«Што останное намъ съ тобой свиданьицо!
«Поѣдемъ-ка съ тобою къ широку двору».

Въ скорби о мужѣ, Василиса не слышитъ брани его. Погибаетъ Данило. Узнавъ объ этомъ, Владиміръ тотчасъ ѣдетъ за Василисой. Войдя къ ней въ теремъ, цѣловалъ ее въ сахарныя уста, но возговоритъ Василиса Никулишна:

«Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
Не цѣлуй меня въ уста во кровавы,
Безъ мово друга Данилы Денисьича».

Отъѣзжая насильно съ Владиміромъ въ Кіевъ, Василиса проситъ его:

«Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
Пусти меня проститься съ милымъ дружкомъ
Со тѣмъ-ли Данилой Денисьичомъ.»

Владиміръ пускаетъ ее въ сопровожденіи двухъ богатырей:

«Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу;
Поклонилась она, да восклонилася,
Возговоритъ она двумъ богатырямъ:
«Охъ вы гой естя, мое вы два богатыря!
«Вы подите, скажите князю Володиміру:
«Штобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
«По чисту полю со милымъ дружкомъ,

«Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ».
Беретъ Василиса свой булатной ножь,
Спорола сеѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла сеѣ Василиса очи ясныя.
Запланали по ней два богатыря» [1]).

Эта жена русской былины не напоминаетъ-ли тѣхъ женъ славянокъ, которыя, по словамъ императора Маврикія и Св. Бонифація, не могли переносить смерти мужей своихъ и убивали сами себя?

Знакомъ былинѣ и живописный образъ женщины. Дунай Ивановичь, предлагая Владиміру невѣсту, такъ ее описываетъ:

«— Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
— За тридесять замками булатными,
— А и буйные вѣтры не вихнутъ на ее,
— А красное солнце не печетъ лицо.
— Станомъ статна и умомъ свершна,
— Бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
— А ягодицы какъ маковъ цвѣтъ,
— Черныя брови какъ бы соболи,
— Ясныя очи какъ у сокола» [2]).

Или по другой былинѣ:

«Лицомъ она бѣла, какъ зимній снѣгъ,
Очи у ея, какъ у сокола,
Брови у ея, какъ у соболя,
Ходитъ она, словно лебедушка.
Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день» [3]).

Образъ матери особенно выдается въ древнерусскихъ

---

[1]) Кир. 3, 33—38.
[2]) Кир. 3, стр. 71.
[3]) Кир. 3, 54.

КОМИТ

былинахъ и уже много оттѣненъ вліяніемъ христіянства. Всѣ богатыри и богатырши воспитываются матерьми. Характеръ богатыря — слѣдствіе материнскаго воспитанія. Сознаетъ это самъ Добрыня Никитьевичъ:

«Государыня моя матушка,
«Честна вдова Офимья Александровна!
«Для чего, скажи, меня несчастнаго спородила?
«Спородила бы ты меня, матушка,
«Счасками въ стольно—Кіевскаго князя Владиміра.
«Силою бы спородила въ стараго казака Илью Муромца,
«Смѣлостью въ смѣлаго Алешу во-Поповича!

Отвѣтъ держитъ государыня его матушка:

«Я бы рада тебя, дитетко, спородити
«Таланомъ—участью въ Илью Муромца,
«Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
«Сколько тыя статьи есть, а другихъ Богъ не далъ [1]).

Глубоко привязана къ своему сыну мать Добрыни:

«Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала Добрыню родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палаты похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнехонько она, съ причетью» [2]).

Уважаетъ ее и сынъ:

«Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава разстилается,
Ужъ какъ сынъ передъ матерью кланяется» [3]).

---

[1]) Рыбн. 1, 120. Кир. 2, 31.
[2]) Рыбн. 1, 190.

Добрыня все готовъ простить Алешѣ Поповичу, только не обиду матери; Алеша принесъ ложное извѣстіе о его смерти и оттого:

«Государыня родна матушка
Желешенько съ по мнѣ плакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лице бѣлое:
Съ этой вины тебѣ не прощу» [1])!

Василій Буслаевичь, попирающій увѣщанія церкви, воюющій со всѣмъ Новгородомъ, уступаетъ матери:

«Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Никого я не послухалъ бы,
А послушалъ тебя, родну матушку:
Не послухать мнѣ законъ не даетъ» [2]).

Жена Дуная Ивановича унизила мужа своего предъ богатырями, показавъ свое превосходство надъ нимъ въ стрѣльбѣ. Оскорбленный Дунай намѣренъ казнить жену, та подобно Рогнѣдѣ хочетъ остановить его, напоминая, что скоро будетъ матерью:

«Гой еси ты, мой любезной ладушка,
Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
Оставь шутку на три дни,
Хошь не для меня, но для своего сына нерожденнаго:
Завтря рожу тебѣ богатыря,
Что не будетъ ему сопротивника.»

Дунай не вѣритъ и убиваетъ жену. Потомъ, убѣдившись

---

[1]) Кир. 2, 39.
[2]) Рыбн. 1, 357.

въ справедливости ея словъ, онъ въ отчаяніи самъ лишаетъ себя жизни:

«Что я сдѣлалъ двѣ головки безповинныихъ [1]).»

И въ былинѣ встрѣчаемъ мы уже знакомый намъ образъ вѣщей жены; здѣсь его представительница Марина:

«Гой еси вы, княгини, боярыни!»
«Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,
А и я, де, обернула девять молодцовъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми турами.»

Кромѣ умѣнья оборачиваться и оборачивать другихъ, Марина знаетъ силу травъ и кореній, она «кореньщица;» ей извѣстна также тайна заговоровъ. Желая приворожить къ себѣ Добрыню:

«Нашептала на листочки лазуревы
И бросала на Добрыню Никитича:
Какъ сохнутъ листочки лазуревы,
Такъ сохни по Маришкѣ Добрынюшка.
И не можетъ Добрынюшка Никитиничь
Безъ Маришки ни жить ни быть».

Самая связь Марины съ лютымъ змѣемъ, существомъ миѳическимъ, говоритъ, что эта женщина совсѣмъ не той сферы, къ которой принадлежатъ Добрыня и его семья. Не даромъ Добрынина матушка отговариваетъ сына ходить въ ту улицу, гдѣ живетъ Марина: «Еретница она, кореньщица», отзывается о ней Амельфа Тимофеевна. Однако, какая то чародѣйственная сила тянетъ Добрыню къ Маринѣ, онъ разрушаетъ ея связь со змѣемъ, самъ

[1]) Рыбн. 1, 194. Кир. 3, 80.

подчиняется ея чарамъ : она обертываетъ его въ гнѣдого тура съ золотыми рогами и только силою противодѣйственныхъ чаръ сестры своей, Добрыня возвращается въ прежнее состояніе. Добрыня и Марина — личности разнаго времени. Одаренная вѣденьемъ Марина,— женщина язычница. Въ духѣ языческой Руси совершается и бракъ ея съ Добрыней; сама она предлагаетъ ему жениться на ней и когда Добрыня соглашается:

«Они въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися».

Добрыня, въ противоположность женѣ, человѣкъ новаго, христіянскаго времени. Сряду послѣ брака, придя въ теремъ Марины, онъ уже говоритъ ей :

«А и той еси ты, моя молодая жена.
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
Нѣту Спасова образа,
Не кому у тя помолитися,
Не за что стѣнамъ поклонитися».

И потомъ начинается расправа. Трудно было христіянскому Добрынѣ ужиться съ той, которая могла знаться только съ змѣемъ Горынчищемъ, существомъ ей болѣе близкимъ. И казнитъ Добрыня свою молоду жену, казнитъ за то, что знала она дѣла «еретическія» [1]). Не въ себя взялъ жену и Михайло Потыкъ. Онъ увидѣлъ ее въ морѣ лебедью и хотѣлъ стрѣлять въ нее,

---

[1]) Кир. 2, 40—60. Рыбн. 2, 11.

она обернулась въ красную дѣвицу и сама указываетъ Потыку разницу между имъ и ею:

«Ай же, душечка Михайла Потыкъ Ивановичь!
Ты вѣдь есть роду русскаго,
Русскаго роду крещонаго,
А я вѣдь роду поганаго,
Поганаго роду не крещонаго:
Ты свези меня во Кіевъ градъ,
Приведи во вѣру крещоную,
И примемъ мы съ тобой златы вѣнцы,
И станемъ мы съ тобой жить да быть».

Приводитъ ее Потыкъ въ крещеную вѣру, вѣнчаютъ ихъ въ соборной церкви попы соборные, получаетъ лебедь бѣлая и крещеное имя Настасьи. Введенная мужемъ изъ другого міра въ міръ новый, христіянскій, Настасья можетъ держаться въ немъ только при посредствѣ мужа и потому ставитъ условіемъ брака:

«А ты, Потокъ Михайло Ивановичь!
Хотя ты на мнѣ и женишься,
И кто изъ насъ прежде умретъ,
Второму за нимъ живому во гробъ идти».

По смерти жены, Михайло дѣйствительно идетъ вмѣстѣ съ нею въ могилу, но сохраняетъ связь съ жизнію: проводитъ изъ могилы веревку къ соборному колоколу. Въ могилѣ Михайло свидѣтель, какъ къ трупу его жены подплываетъ большой змѣй, который жжетъ и палитъ пламемъ огненнымъ. Отъ него Михайло получаетъ средство воротить жену къ жизни. Возвращается въ свѣтъ Настасья.

«Попы соборные:
Поновили ихъ святой водой,
Приказали имъ жить по старому».

Но какъ связь Добрыни и Марины, такъ и связь Михайлы Потыка съ Настасьей, лебедью бѣлой, не можетъ долго продолжаться. Причина та же: Настасья неровня Михаилу. Вѣрная своему вѣщему характеру, ищетъ она сперва «мудрости» надъ мужемъ своимъ, а потомъ, уйдя съ царемъ Вахрамеемъ Вахрамеевичемъ, употребляетъ противъ прежняго мужа, то крѣпкіе приговоры, то поитъ его зельемъ лютымъ, питьемъ забудущимъ. Потокъ избѣгаетъ ея чаръ только при содѣйствіи Николы Угодника, да помощью другой женщины, дочери Вахрамея, ему болѣе соотвѣтствующей. На ней онъ, казнивъ Настасью, и женится [1]).

Вліяніе благопріятнѣйшихъ условій быта, вліяніе лучшаго времени отразилось и въ женщинѣ былины. При посредничествѣ сватовъ совершаются браки и въ былинѣ; сваты выбираются почетнѣйшіе, ихъ одариваютъ:

«Стали къ Агрофенѣ женихи свататься,
Сватомъ-ту самъ батюшка Володиміръ князь,
А свахой-ту сама княгиня Епраксія,
За тово-ли за Олешку за Поповича.
Агрофена свата дарила ширинчькой,
Другой дарила свахыньку [2]).

При свадьбѣ тысяцкій, дружки [3]). Молодые ходятъ въ Божью церковь, принимаютъ тамъ золотые вѣнцы. Сва-

---

[1]) Кир. IV, 52—59. Рыбн. 1, 213—236.
[2]) Кирѣевск. 2, стр. 15.
[3]) Кирѣевск. 2, стр. 8.

дебные пиры идутъ долго, по три дня и больше. Молодыхъ зовутъ княземъ и княгиней. Гости пируютъ за столами убранными, кушаютъ лебедушки бѣлыя, попиваютъ зелено вино, меды стоялые. Приходятъ на свадебный пиръ скоморошины веселые играть въ гусельки яровчаты [1]). Зятю свѣту готовятъ приданое [2]). Мало для былины одной красоты въ женѣ,—нужно, чтобъ она была не только лицемъ красна или станомъ статна, но и умомъ сверстна, чтобъ она была ровня мужу, ему «супротивница», чтобы съ ней было можно думу подумати, слово промолвити, долги вѣки коротати, чтобъ умѣла она русскую грамоту и четью-пѣтью церковному [3]). Дѣйствительно, былины всегда выводятъ Владиміра рядомъ съ женою; вмѣстѣ они принимаютъ богатырей, получаютъ подарки:

«Молодой Соловей Будиміровичь,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевной на особицу,
И подноситъ князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Не дорога камочка,—узоръ хитеръ» [4]).

Князь вмѣстѣ съ женою ѣздитъ въ гости къ Чурилѣ въ Кіевецъ ([5]); вмѣстѣ съ нею просватываетъ Алешу

---

[1]) Рыбн. 1, 136—152, Кир. 2, 37.
[2]) Рыбн. 2, 314.
[3]) Кир. 3, стр. 29—33; Рыбн. 1, стр. 179.
[4]) Кир. 4, 102.
[5]) Рыбн. 1, 263.

Поповича [1]). Въ отсутствіи Владиміра, его жена полная хозяйка всего дома. Она своею догадливостью иногда опереживаетъ мужа. Владиміръ, разгнѣванный Ильей Муромцемъ, приказалъ бросить его на голодную смерть въ погреба глубокіе, но княгиня была сдогадлива:

«Копала подкопы подъ тѣ погребы,
Поила и кормила доброва молодца,
Что по имени Илью Муромца,
Поила кормила ровно три годы».

Когда-же обсгала престольный градъ Кіевъ сила невѣрная и Владиміръ печаленъ, что уже нѣтъ у него стоятеля, оберегателя, удалого Ильи Муромца, княгиня тогда выводитъ Илью изъ погребовъ и тотъ избавляетъ Кіевъ отъ опасности [2]). Въ однѣхъ былинахъ у Добрыни жена Марина, мы ее уже видѣли, въ другихъ—Настасья Никулишна. Только что отпраздновалъ Добрыня свою свадьбу съ ней:

«Не прошли еще его дни свадебные,
Не успѣлъ еще отпраздновать радости своей,»

какъ долженъ отправиться въ далекій путь, по порученію князя Владиміра:

«Провожала Добрыню любимая семья
Молода Настасья, дочь Никулична;
Приходила Настасья
Ко тому коню ко доброму,
Къ тымъ стременамъ молодецкіимъ,
Поклонъ воздала до самаго до шелкова до пояса:

[1]) Кир. 2, 39.
[2]) Кир. 1, стр. 67—70.

«Милая моя ладушка, крѣпкая сдержавушка,
Молодой Добрынюшка Никитиничь!
Ты скоро-ли назадъ будешь,
Ты скоро-ли поворотъ держишь?» [1])

Добрыня не стѣсняетъ воли жены послѣ себя:

«Хоть вдовой живи, а хоть за мужь поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Хоть за могучаго за богатыря,
А хоть за полномочнаго крестьянина» [2]).

Когда же Настасья была уговорена обманомъ выдти за Алешу Поповича, нарушить просьбу Добрыни, онъ не сердится. За то увидѣла только Настасья, что воротился ей прежній любимый мужъ:

«Какъ скочила она черезъ золотъ столъ,
И беретъ его за ручушки за бѣлыя,
За него за перстни за злаченые,
И цѣловала его во уста сахарнія,
И называла-то любимою сдержавушкой,
Говорила она рѣчь ему умильную» [3]).

Очень близко подходитъ изображеніе матери-вдовы въ былинѣ къ тому, что мы видѣли въ письменныхъ памятникахъ. Высшій почетъ повсюду выражаетъ былина къ личности матери. Честной, матерой, разумной вдовой, называетъ ее. Родной, старой матушкой, хвалится умный разумный. Хозяйкой всего дома, главой надъ дѣтьми остается вдова послѣ мужа:

«Жилъ во Рязани богатой гость,
А гостя то звали Никитою;

---

[1]) Кир. 2, 31; Рыбн. 1, 140.
[2]) Кир. 2, 32.
[3]) Рыбн. 1, стр. 170.

Живучи-то Никита состарѣлся, переставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставалось житье-бытье, богатество,
Осталась его матера жена
Амелѳа Тимоѳеевна,
Осталось чадо милое,
Какъ молодой Добрынюшка Никитичь младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Никитичу въ наукъ пошла;
Присадила его матушка перомъ писать» [1]).

Также осталась во всемъ имѣньи мужа и вдова Новгородца Буслая съ сыномъ Васильемъ [2]). Всюду руководитъ мать сына; безъ ея совѣта, безъ ея благословенія ничего не начнетъ онъ:

Стоитъ Добрынюшка и покланяется:
«Свѣтъ ты государыня, родна моя матушка,
«Честная вдова Офимья Александровна!
«Дай ка мнѣ прошеньице съ благословеньицемъ
«На тые на вѣки нерушимыя.»
Сидитъ она—горько заплакала,
И дала ему прощеньице съ благословеньицемъ
На тые на вѣки нерушимыя» [3]).

Мать Дюка Степановича, отпуская его къ князю Владиміру, тоже не забываетъ дать ему совѣтъ и благословенье [4]). Въ горѣ богатыря утѣшаетъ мать. «Накинулъ на Добрыню Владиміръ службу великую; онъ пошелъ Добрыня закручинился; встрѣчаетъ его государыня родная матушка:

---

[1]) Кир. 2, стр. 49.
[2]) Рыбн. 1, стр. 335.
[3]) Рыбн. 1, стр. 151.
[4]) Рыбн. 1, стр. 273.

Что же ты, Добрынюшка Никитичь,
Идешь съ пиру,—самъ кручинишься?

Узнавъ кручину сына, говорила родная его матушка:

«Ложись ко спать рано съ вечера,
Утро будетъ оное мудрое,
Мудренѣе будетъ утро вечера» [1]

Съ какою любовью провожаетъ мать сына:

«Чадо ты мое милое,
Чаделко мое любимое,
Скажи-ка мнѣ, попровѣдай-ка,
Скоро ли ты назадъ будешь,
Скоро ли ты поворотъ держишь?» [2]

Какъ рада она видѣть его возвращеніе:

«Тутъ честная вдова Офимья Александровна
Брала его за ручушки за бѣлыя,
И цѣловала его во уста его въ сахарныя,
Прижимала его къ ретивому сердечушку
И прикладывала во бѣлую во личушку» [3].

Сноха въ домѣ подчинена матери. Мать Добрыни велитъ женѣ его идти провожать мужа и спросить: скоро ли онъ будетъ назадъ? [4]. Добрыня, уѣзжая, поручаетъ жену матери [5]. Сынъ единственная защита матери, съ нимъ никто не дерзнетъ обидѣть ее, безъ него она сирота. Пріѣзжій вошелъ въ домъ матери Добрыни безцеремонно, потолкавъ всѣхъ приворотниковъ: говоритъ ему обиженная вдова:

---

[1] Кир. 2, 26, 27.
[2] Рыбн. 1, 142.
[3] Рыбн. 1, стр. 171.
[4] Рыбн. 1, стр. 142.
[5] [illegible]

«Ахъ ты ей, удалый добрый молодецъ!
Ты за чѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
Въ палаты идешь бездокладочно?
Какъ-бы было живо мое чадо милое,
Молодой Добрыня сынъ Никитичь,
Отрубилъ-бы онъ тебѣ буйну голову
За твои поступки неумильные» [1]).

Мать иногда сопутствуетъ сыну въ его поѣздкахъ. Такъ Соловей Будиміровичъ ѣдетъ къ князю Владиміру вмѣстѣ съ матушкой, всегда выказываетъ къ ней почтеніе. Съ уваженіемъ принимаетъ Соловья и его матушку князь Владиміръ. Соловей строитъ себѣ три терема рядомъ: въ одномъ живетъ самъ, въ другомъ его дружина, а въ третьемъ его родная матушка:

«Стоитъ старушка,—Богу молится,
Умаливаетъ за сына за любимаго» [2]).

Вдова — богатая хозяйка, особенно живо представляется былиной въ матери Дюка Степановича. Пріѣхалъ Дюкъ въ Кіевъ, все тамъ охаялъ; у его матушки было гораздо лучше:

У свѣтъ государыни матушки,
У честной вдовы Афимьи Александровной,
У насъ на небѣ солнце и въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ и въ теремѣ мѣсяцъ,
Есть у насъ печки муравлены,
Помяльчика шелковыя,
Купаютъ въ росу медовую,—
Пашутъ печки муравлены,
Пекутъ колачики крупичатые:
Колачикъ съѣшь,—другаго хочется,

[1]) Кир. 2, 35.
[2]) Рыбн. 1, 318.

Другой-то съѣшь,—по третьемъ душа горитъ.
Эта хвальба да не похвальба:
Какъ водочки сладкія, меды стоялые
Повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковкахъ,
Бочки висятъ на цѣпяхъ на желѣзныихъ,
Туда подведены вѣтры буйные;
Повѣютъ вѣтры буйные въ чистомъ полѣ,
Пойдутъ какъ воздухи по погребамъ,—
И загогочутъ бочки какъ лебеди,
Какъ лебеди на тихихъ на заводяхъ:
Такъ отъ того не затхнутся водочки сладкія
И меды стоялые;
Какъ чару пьешь,—другой хочется,
Другую пьешь,—по третьей душа горитъ [1]).

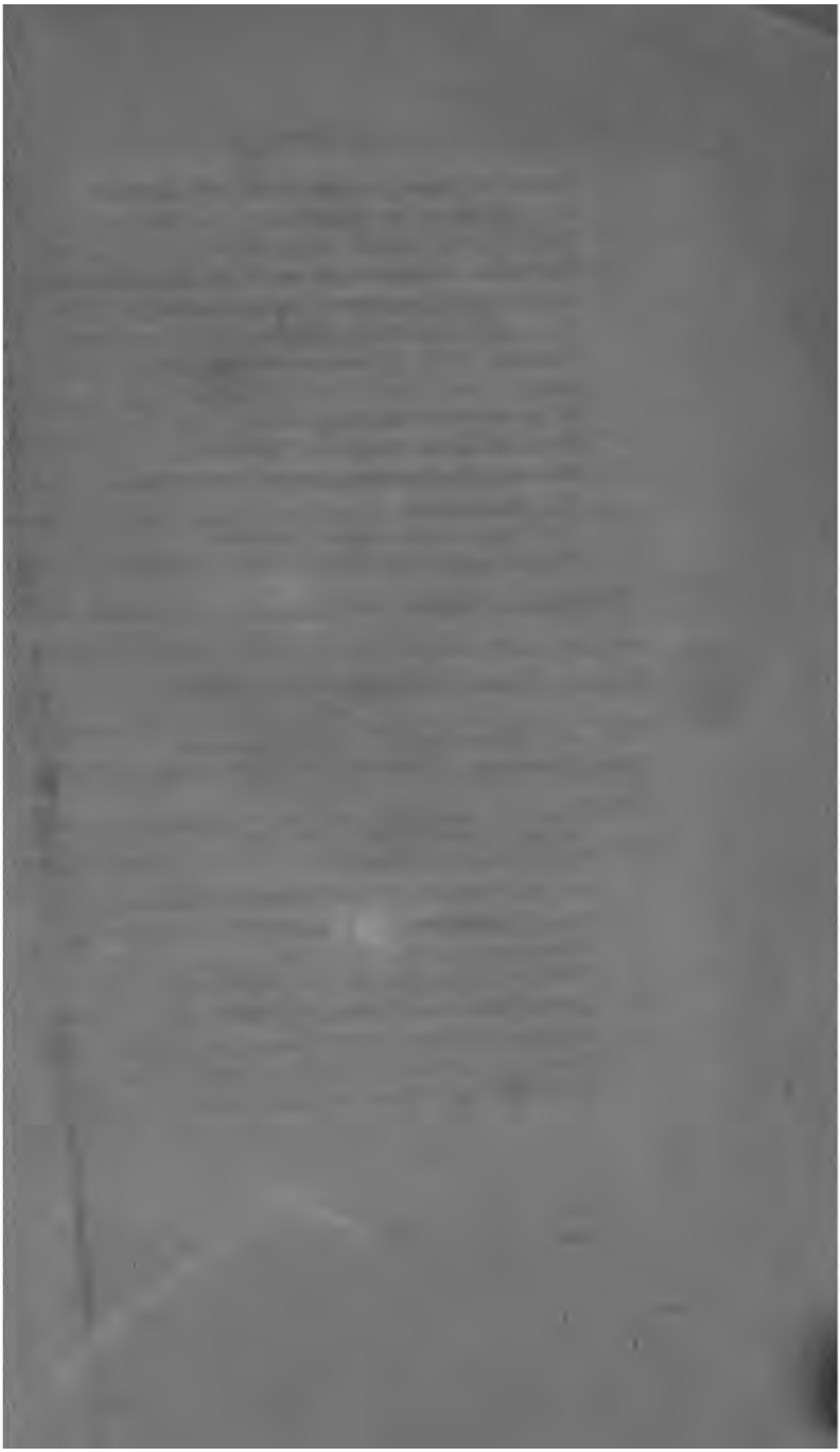
Служанки Афимьи Александровны: ключницы, портомойницы такъ одѣты, что ихъ можно принять за хозяйку. Имѣнья Дюковой матушки нельзя перечесть. На одну бумагу слѣдовало бы продать весь Кіевъ, а на чернила—весь Чернигов. Саму богатую вдову такъ изображаетъ былина:

Идетъ она изъ церкви соборныя:
Впереди идутъ лопатники,
За лопатниками идутъ метельщики,
За метельщиками идутъ суконщики,
Разстилаютъ сукна одинцовыя.
Честную вдову Мамелѳу Тимоѳеевну
Ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею,
Вся она обвѣшана бархатомъ,
Чтобы не запекало ее солнце красное,
Не капала роса утренняя [2]).

---

[1]) Рыбн. 2, 171—172.
[2]) Рыбн. ч. 2, стр. 146—147.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.



Петербургская ... Его Международного Книгообмена. Палата

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕБУРОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., по 1 л., д. Бруни,

высылаетъ иногороднымъ покупателямъ всѣ русскія книги (кромѣ казенныхъ изданій) **по петербургскимъ цѣнамъ**, принимая **пересылку на свой счетъ**. Продаются, между прочими, слѣдующія книги:

Кто былъ первый Лжедимитрій? историческое изслѣдованіе Н. И. Костомарова. Спб. 1864. Ц. 60 к. с.

Лекціи по русской исторіи, Н. И. Костомарова. Состав. по запискамъ слушателей и издалъ П. Гайдебуровъ. В. 1-й. Спб. 1862. Ц. 50 к. с.

Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи Германской и Славянской, Н. Полевого. Спб. 1864. Ц. 1 р. с.

HQ 1662 .D59
Russkaia zhenshchina v do-mong
Stanford University Libraries
3 6105 041 823 472

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D MAR 25 1994
28D MAR 26 1994
28D APR 22 1994
APR 22 1994